СИДНИ
ШЕЛДОН
Узы памяти
Тилли Бэгшоу

Тилли Бэгшоу

Сидни Шелдон. Узы памяти

«АСТ»
2013

Бэгшоу Т.

Сидни Шелдон. Узы памяти / Т. Бэгшоу — «АСТ», 2013

ISBN 978-5-17-087230-5

Алексия Де Вир – решительная и очень красивая женщина, – казалось бы, добилась всего, о чем мечтала. Она счастлива в браке с супругом-аристократом, у нее двое детей, ее карьера на взлете, от нее зависят жизни многих людей.Кто бы мог подумать, что именно теперь, когда ничто не омрачает ее счастья, судьба нанесет ей удар в спину?Прошлое, в котором скрыта тайна, способная разрушить все, что построила Алисия, внезапно возвращается. И теперь, чтобы выстоять, ей придется забыть о гордости, престиже, власти и решить, что для нее действительно важно и чем она готова пожертвовать ради своих близких…

ISBN 978-5-17-087230-5

© Бэгшоу Т., 2013
© АСТ, 2013

Содержание

Пролог 6
Часть 1 10
Глава 1 10
Глава 2 16
Глава 3 18
Глава 4 19
Глава 5 23
Глава 6 25
Глава 7 34
Глава 8 36
Часть 2 39
Глава 9 39
Глава 10 48
Глава 11 52
Глава 12 58
Конец ознакомительного фрагмента. 64

Тилли Бэгшоу
Сидни Шелдон. Узы памяти

© Sheldon Family Limited Partnership, successor to
the rights and interests of Sidney Sheldon, 2013
© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

* * *

Хизер Хартс. С любовью

Пролог

– Что-то еще, министр внутренних дел?

Алексия де Вир улыбнулась. «Министр внутренних дел». Самые прекрасные слова в английском языке. Если не считать «премьер-министра», разумеется.

Новая суперзвезда партии тори мысленно рассмеялась над собой. «Не все сразу, Алексия. Шаг за шагом…»

– Нет. Спасибо, Эдвард. Если понадобитесь, я вас позову.

Сэр Эдвард Мэннинг, кивнув, вышел. Старейший государственный служащий и бастион вестминстерского политического истеблишмента Мэннинг был высоким, седым и таким же негнущимся, как спичка. На ближайшие месяцы сэру Эдварду предстоит стать ближайшим компаньоном Алексии де Вир. Его дело – советовать, предупреждать, умело вести по лабиринту политических интриг и амбиций в министерстве внутренних дел. Но сейчас, в первые часы своей деятельности, Алексия де Вир хотела побыть одна, без свидетелей насладиться сладким вкусом победы, посидеть и понежиться в лучах своей власти. Что ни говори, а она это заслужила.

Встав из-за письменного стола, министр стала обходить новый офис, огромное помещение, почти на вершине одной из готических башен Вестминстерского дворца. Интерьер был не столько роскошен, сколько функционален. Пара одинаково уродливых коричневых диванов (их нужно убрать), простой письменный стол со стулом на другом конце и книжный шкаф, набитый пыльными, ни разу не раскрытыми томами по политической истории. Но все это казалось не важным и ненужным, стоило лишь обозреть расстилавшийся за окнами вид. Слово «великолепный» казалось жалким описанием панорамы Лондона за высокими, от пола до потолка, окнами. Тут было все – от башен Кэнери-Уорф на востоке до особняков Челси на западе. Вид, говоривший только об одном: власть.

Власть, отныне принадлежавшая ей.

«Я министр внутренних дел Великобритании. Второй по важности и значению член правительства ее величества».

Как это случилось? Как незначительный и к тому же крайне непопулярный заместитель министра тюрем[1] ухитрилась перескочить через головы других достойных кандидатов постарше и заполучить столь престижную должность? Бедняга Кевин Ломакс, министр торговли и промышленности, скрежетал пожелтевшими от кофе зубами.

При этой мысли у Алексии стало тепло на душе. «Старое чванливое ископаемое. Списал меня со счетов сто лет назад. И кто смеется последним?»

Пригвожденная к позорному столбу прессой за богатство, аристократическое происхождение и прозванная в таблоидах железной леди, Алексия представила в парламент билль судебной реформы вынесения приговоров и наказаний, разгромленный членами парламента, принадлежавшими к обеим партиям, и заклейменный как «безжалостный и жестокий». Приговоры без права на условно-досрочное освобождение уместны в Америке, варварской стране, где все еще казнят осужденных. Но здесь, в цивилизованной Великобритании, это не пройдет. По крайней мере так говорят. И все же, получив хороший пинок, все проголосовали «за».

«Трусы. Трусы и лицемеры, все до одного».

Алексия де Вир знала, насколько непопулярной стала из-за этого билля. Непопулярной у коллег, у прессы, у избирателей с низкими доходами. Поэтому была шокирована не меньше остальных, когда премьер-министр Генри Уитмен назначил ее министром внутренних дел.

---

[1] В некоторых странах эта должность называется «статс-секретарь», то есть заместитель министра. – *Здесь и далее примеч. пер.*

Однако она недолго раздумывала над своим назначением. Главное – сам факт. Остальное роли не играет.

Алексия вынула из коробки несколько семейных фотографий. Она предпочитала не смешивать работу и частную жизнь, но в наши дни очень модно быть чувствительной и сентиментальной, а держать на столе семейные снимки стало почти обязательным.

Ее дочь Рокси в восемнадцать лет. Белокурая головка откинута, улыбающееся лицо светится весельем. Как Алексии не хватает этого смеха! Снимок, конечно, сделан до несчастного случая.

Несчастный случай…

Алексия ненавидела этот эвфемизм, стремление приукрасить попытку самоубийства, прыжок с третьего этажа, навсегда приковавший Рокси к инвалидному креслу. По мнению Алексии, надо называть вещи своими именами, но Тедди, ее муж, настоял на своем.

«Дорогой Тедди. Он так деликатен».

Алексия с улыбкой поставила рядом с фото дочери портрет Тедди, ничем не выдающегося грузного мужчины средних лет с редеющими волосами и вечно красным лицом. Тедди де Вир, похожий на уютного плюшевого мишку, с сияющей улыбкой смотрел в камеру.

«Без него моя жизнь была бы совершенно иной. Я стольким ему обязана!»

Конечно, Тедди не единственный, кому Алексия была обязана своим везением. Был еще и Генри Уитмен, тори и новый премьер, самовольно назначивший себя ее политическим ментором. А где-то далеко-далеко был еще один человек. Славный человек. Тот, кто очень помог ей.

Но она не должна о нем думать. Не сейчас. Не сегодня.

Сегодня день триумфа, праздник. Времени на сожаления не остается.

На третьем снимке был Майкл, сын Алексии. Как красив этот мальчик с темными локонами, сланцево-серыми глазами и лукавой улыбкой, способный растопить любое женское сердце! Иногда Алексия думала, что Майкл – единственный человек на свете, которого она любила преданно и безусловно. Когда-то Рокси тоже входила в эту категорию, но возникшая между ними распря непоправимо отравила их отношения.

После фотографий настала очередь поздравительных открыток, прибывавших непрерывным потоком, с тех пор как два дня назад объявили о шокирующем назначении Алексии. Большинство было скучными официальными приветствиями от лоббистов или постоянных парламентских зевак с изображением бутылок шампанского, льющейся из горлышек пеной или бездарных цветочных натюрмортов. Но одна привлекла взгляд Алексии. На фоне американского флага была золотом выведена аляповатая надпись: «Ты скала!»

Алексия развернула открытку.

«Поздравляю, дорогая Алексия! Так взволнована и так горжусь тобой! С любовью. Люси. Целую».

Алексия широко улыбнулась. У нее было очень мало подруг… вообще очень мало друзей, но Люси Мейер являла собой подтверждающее правило исключение. Соседка по Мартас-Вайнъярд, где у Алексии был летний домик (Тедди влюбился в остров, еще учась в Гарвардской школе бизнеса), – Люси Мейер стала ей почти сестрой. Типичная домохозяйка, хотя очень обеспеченная, и такая же типичная, как яблочный пирог, американка. Ребячливая и одновременно обладающая сильнейшим материнским инстинктом, она была из тех женщин, которые ставят в электронных письмах множество восклицательных знаков и пишут «i» не с точкой, а с кружочком наверху. Сказать, что у Люси Мейер и Алексии де Вир мало общего, все равно что не сказать ничего. И все же дружба обеих женщин, закаленная за многие летние месяцы, прошедшие в Мартас-Вайнъярд, пережила все подъемы и спады безумной политической жизни Алексии.

Стоя у окна, Алексия смотрела на Темзу Отсюда, с высоты, река выглядела спокойной и величественной, медленно извивающейся серебряной лентой, прокладывающей бесшумный путь через город. Но женщина знала, какими смертоносными могут быть глубинные течения. Даже сейчас, в сорок девять лет, на пике карьеры, Алексия не могла смотреть на воду без дрожи дурного предчувствия. Она нервно крутила на пальце обручальное кольцо. «Как легко все это может быть смыто и унесено! Власть, счастье. Сама жизнь. Одно мгновение, одно неосторожное мгновение – и все исчезло!»

Громко зазвонил телефон.

– Простите, что беспокою, министр внутренних дел, но на первой линии – Даунинг-стрит, десять. Полагаю, вы ответите на звонок премьер-министра?

Алексия тряхнула головой, отгоняя призраков прошлого:

– Разумеется, Эдвард. Соедините нас.

К югу от реки, менее чем в миле от просторного вестминстерского офиса Алексии де Вир, но так далеко, словно на другой планете, в кафе «Мэггис» сидел Гилберт Дрейк, сгорбившийся над яичницей с беконом. Классическая британская забегаловка с никогда не мытыми окнами и драным линолеумом на полу, «Мэггис» была весьма популярной столовкой для таксистов и строительных работяг, заходивших позавтракать по пути на утреннюю смену. Гилберт Дрейк, постоянный посетитель, по утрам чаще всего был болтлив и улыбчив. Но не сегодня. Уставясь на газетный снимок с таким ужасом, будто увидел призрак, он прижал пальцы к вискам.

«Этого быть не может! Как же так вышло?»

Вот она, перед ним, эта сука Алексия де Вир, улыбающаяся в камеру и пожимающая руку премьер-министру!

Гилберт Дрейк никогда не забудет это лицо, сколько бы ни прожил. Гордый вид, выдвинутый подбородок, презрительный изгиб губ, холодный, стальной блеск голубых глаз, таких же красивых, пустых и бессердечных, как у куклы. Подпись под снимком гласила: «Новый министр внутренних дел Британии начинает работу».

Чтение статьи причиняло боль, словно бередило только что зажившую рану, но Гилберт Дрейк заставил себя продолжать.

«Вчера новым министром внутренних дел была назначена бывший заместитель министра тюрем Алексия де Вир, что крайне удивило не только членов парламента и правительства, но и СМИ. Премьер-министр Генри Уитмен назвал миссис де Вир «звездой» и «центральной фигурой» в своем кабинете нового типа. Кевин Ломакс, министр торговли и промышленности, которому прочили это место, после того как бывший министр внутренних дел Хамфри Кру подал в отставку, заявил репортерам, что он счастлив услышать о назначении миссис де Вир и что ему не терпится начать с ней работу.

Гилберт Дрейк, брезгливо морщась, свернул газету.

Санджай Пател, лучший друг Гилберта, погиб из-за этой суки. Санджай, защищавший Гилберта от школьных хулиганов, а потом и на строительстве, Санджай, который трудился с рассвета до заката, чтобы на семейном столе была еда, и улыбкой встречал все жизненные разочарования, Санджай, которого несправедливо обвинили, посадили в тюрьму, подставили полицейские только за то, что он пытался помочь кузену избежать преследования, теперь мертв. А эта шлюха, эта волчица Алексия де Вир, высоко вознеслась, став любимицей Лондона.

Но этого не будет. Гилберт Дрейк не допустит.

«Возрадуется праведник, когда увидит отмщение; омоет стопы свои в крови нечестивого».

Мэгги, владелица кафе, давшая ему свое имя, подлила Гилберту чая в кружку.

– Ешь, Гил. Твоя яичница остывает.

Гилберт Дрейк не слышал ее. В ушах звучал голос Санджая Патела, моливший о мести.

Шарлотта Уитмен, жена премьер-министра, повернулась на бок и погладила грудь мужа. Четыре утра, а Генри так и не уснул. Уставился в потолок с видом смертника, стоящего перед расстрельной командой.

– Что с тобой, Генри? Что случилось?

Генри Уитмен накрыл руку жены своей.

– Ничего. Просто бессонница. Прости, если разбудил.

– Но ты скажешь мне, если возникнут проблемы, правда?

Он привлек ее к себе:

– Дорогая Шарлотта! Я премьер-министр. Моя жизнь – сплошные проблемы, которым конца и края не видать.

– Ты понимаешь, о чем я. О настоящей проблеме. Той, с которой ты не сможешь справиться.

– У меня все в порядке, дорогая. Честное слово. Постарайся снова заснуть.

Скоро Шарлотта крепко спала. Генри смотрел на жену. В ушах звенели ее слова: «Той, с которой ты не сможешь справиться».

Благодаря ему лицо Алексии де Вир красовалось на первых страницах газет. Слухи о ее назначении ходили разные, но никто ничего не знал. Никто, кроме Генри Уитмена. А эту тайну он намерен унести в могилу.

Стала ли Алексия проблемой, с которой он не сумеет справиться? Генри Уитмен искренне надеялся, что это не так. Но во всяком случае, уже слишком поздно. Назначение состоялось. Дело сделано.

Новый премьер Британии промаялся до рассвета. Впрочем, он ничего другого не ожидал. Нет отдыха для грешных…

Часть 1

Глава 1

Кеннебанкпорт, Мэн, 1973 год

Билли Хэмлин проводил взглядом семерых малышей в плавках, с визгом бегущих к воде, и ощутил прилив счастья. Не одни мальчишки любили проводить лето в Кэмп-Уильямсе.

Повезло Билли получить эту работу. Большинство вожатых лагеря учились в университетах «Лиги плюща». Такеры, Мортимеры и Сэндфорд-Райли-Третьи проводили время в лагере в «промежутке» между Гарвардским колледжем и Гарвардской школой бизнеса, или в женском варианте – дочки богатеньких папаш после окончания колледжа и до замужества обучали плаванию умненьких сыночков нью-йоркской элиты. Билли Хэмлин в их круг не вписывался. Его отец был плотником, прошлой осенью строившим новые летние домики в Кэмп-Уильямсе и сумевшим сделать протекцию своему мальчику.

– Встретишься с интересными людьми, – сказал Джефф Хэмлин Билли. – Богатыми. Теми, которые сумеют тебе помочь. Тебе нужны связи.

Па Билли свято верил в связи. Почему он вообразил, будто лето, проведенное среди избалованных банкирских сыновей, поможет его обаятельному, ничего не умеющему и совершенно неамбициозному мальчику продвинуться в жизни, оставалось полной тайной. Не то чтобы Билли жаловался. Днем он торчал на пляже, дурачился с милыми маленькими детками. А по вечерам… в лагере было легче раздобыть наркоту, выпивку и то, что его бабушка называла женщинами легкого поведения, чем в новоорлеанских борделях. В свои девятнадцать лет Билли Хэмлин умел немногое. Но точно знал, как развлечься на всю катушку.

– Бивви! Бивви! Пойдем игвать!

Грейдон Хэммонд, кривоногий семилетний парень, не выговаривавший половины букв в алфавите из-за пяти выпавших передних зубов, махал руками, зовя Билли в воду. Когда-нибудь Грейдон унаследует контрольный пакет акций в «Хаммонд банк», инвестиционном банке, стоившем больше, чем многие малые африканские страны, вместе взятые. Подзывать к себе людей жестом станет одной из главных примет Грейдона. Но пока он был таким милым и добрым парнем, что трудно устоять перед просьбой.

– Грейдон, оставь Билли в покое. У него выходной. Я сама поиграю с тобой.

Тони Гилетти, общепризнанный секс-символ лагерных вожатых, опекала группу Грейдона. Наблюдая, как Тони вбегает в прибой, красуясь идеальным загорелым телом, на котором едва не лопались стринги бикини, Билли чуть не сгорел от стыда, чувствуя, как эрекция распирает плавки от Фреда Перри. Ничего не оставалось, кроме как самому нырнуть в воду, используя океан в качестве фигового листа.

Как и все остальные парни в лагере, Билли безумно хотел Тони Гилетти. Но в отличие от других он почти ее любил. Однажды они переспали, в самую первую ночь в лагере, и, хотя Билли так и не сумел убедить Тони встретиться еще раз, все же понял, что ей понравилось и что он тоже ей симпатичен. Как и юноша, Тони не принадлежала здешнему кругу. Она не была дочерью работяги, ее старик владел сетью процветающих магазинчиков по продаже электроники. Но девушка не была и жеманной первокурсницей из Уэллсли или Вассара, а – буйным подростком, ищущим острых ощущений и приобретшим привычки нюхать кокаин и заводить самых неподходящих любовников, что завело ее в крутой переплет на родине, в Коннектикуте. Ходили слухи, что она избежала срок за мошенничество с кредитными картами только потому, что ее отец Теодор Гилетти дал на лапу судье и пожертвовал сумму с семью нолями на новый

бар и душевую в местном загородном клубе. Вроде бы Тони украла у соседа золотую карту «Американ экспресс», чтобы содержать последнего бойфренда и по совместительству драгдилера в роскоши, к которой тот привык. Семья Гилетти отправила дочь в Кэмп-Уильямс в качестве последнего средства, наверняка надеясь, как и отец Билли, что Тони приобретет связи, позволяющие ей добиться лучшего будущего, в ее случае – подцепить порядочного, хорошо воспитанного белого парня, в идеале – с гарвардской степенью.

Тони выполнила половину плана, добросовестно переспав с каждым гарвардским выпускником в лагере, по крайней мере с теми, которые не были откровенно омерзительны физически, прежде чем остановиться на Чарлзе Бремаре Мерфи, самом богатом, самом красивом и, по мнению Билли, самом одиозном из всех. Сегодня Чарлз проводил время на родительской яхте. Семья Бремар Мерфи остановилась вблизи от лагеря по пути в Ист-Хэмптон, и миссис Крамер, начальница лагеря, дала Чарлзу один выходной. Билли до чертиков раздражало пресмыкательство старухи Крамер перед богатыми детками. Но нет худа без добра. Отсутствие Чарлза дало Билли прекрасную возможность беспрепятственно пофлиртовать с Тони Гилетти и попытаться убедить ее, что еще одна ночь страсти с ним будет куда более удовлетворительной, чем перепихон с ее надутым индюком-бойфрендом.

Он уже знал, что шанс есть. Тони была вольна духом, с либидо, как у дикой кошки. Всего несколько дней назад она самым наглым образом вешалась на Билли прямо перед носом Чарлза, очевидно, дерзко пытаясь заставить того ревновать. Это сработало. Позже Билли подслушал, как Чарлз допрашивал Кассандру Дрейтон, еще одну девчонку, о которой было точно известно, что она спала с Билли, чем тот так привлекает девушек.

– Что такого в этом Хэмлине? Почему телки от него тащатся? – рассерженно допытывался Чарлз.

– Тебе ответ в дюймах или футах? – сладко улыбнулась Кассандра.

– Он гребаный плотник, черт бы его побрал! – захлебывался Чарлз.

– Иисус тоже был сыном плотника, дорогой. Не злись, тебе не к лицу. И плотник не он, а его отец. Билли просто здорово трахается. И, клянусь, знает, что делает.

Как ни приятно было слышать дифирамбы Кассандры, правда заключалась в том, что Тони Гилетти так и не позволила Билли уложить ее во второй раз. И чем дольше она держалась, тем сильнее Билли ее хотел.

Таких, как она, у него еще не было. Не только дикая кошка в постели, но остроумна, умна, не говоря уж о выразительной мимике и прирожденном актерском таланте. Ее пародии на миссис Крамер заставляли остальных вожатых смеяться до слез. Тони была смелой. Куда смелее, чем он. У нее точно «есть яйца» и уж побольше чем у него, несмотря на все комплименты Кассандры. Для Чарлза Тони была призом, игрушкой, которая могла развлекать его все лето. Для Билли Хэмлина она была всем. Хотя он никому не признался бы, что влюблен по уши и намерен не только переспать с Тони, но и жениться на ней.

Тони наблюдала, как Билли ныряет в воду. «Только взгляните на эту фигуру! Какое сложение!» Она обожала смотреть, как мышцы перекатываются на широкой спине пловца, как мощные руки без усилий рассекают воду, подобно двум ятаганам, разрезающим шелк. Чарлз был по-своему хорош, с четкими чертами лица типичного богатенького студента. Но в нем не было ни капли откровенной, бьющей через край чувственности, животного магнетизма, вечного эротического голода хищного зверя, сочившихся, как пот, из всех пор Билли. Зато у Чарлза был трастовый фонд размером с Канаду. С каждым днем Тони все труднее было решить, кого она хочет больше: юного бога любви Адониса или местного Креза?

Прошлой ночью, занимаясь любовью с Чарлзом, она мечтала о Билли. Лежа на кашемировом одеяле, пока Чарлз трудился над ней в традиционной позе под саундтрек «Привет, это я» Тодда Рандгрена – кошмарная песня, но Чарлз настоял на том, чтобы принести восьмидо-

рожечный магнитофон, чтобы создать настроение, – Тони вспоминала, каково это, когда тебя вжимают в пол сильные бедра Билли. Если он будет по-прежнему так же рьяно ее преследовать, рано или поздно она сдастся. Тони Гилетти способна оставаться верной неумелому любовнику не больше, чем львица может стать вегетарианкой. С Билли классно в койке, а это главное.

– Давай, Тони, твоя очередь ловить мяч!

Грейдон Хаммонд жалобно смотрел на нее, обняв за плечи Николаса Хэндемейера, еще одного очаровательно неуклюжего семилетнего мальчика, наследника огромного поместья в Мэне.

Темноволосый Грейдон и белокурый ангелочек Николас были любимцами Тони. Несмотря на тщательно культивируемый образ скверной девчонки, Тони обладала врожденным материнским инстинктом и была одной из самых популярных вожатых в лагере.

Ее мать так увлекалась шопингом, поездками на отдых и тратой денег мужа, что однажды с трудом узнала Тони, стоявшую на улице вместе с двумя подружками. Но несмотря на полное равнодушие родителей, Тони любила малышей и всячески о них заботилась, ведь им в голову не приходило ее осуждать.

Однако сегодня похмелье и настоятельная необходимость в дорожке кокаина портили настроение. Она вполне могла бы обойтись без шума, вопросов и бесконечных прикосновений маленьких потных лапок.

– Я пытаюсь, Грейдон, ясно? – проворчала она угрюмо. – Бросай еще раз.

– Позволь мне помочь?

Рядом материализовался Билли Хэмлин. Голова с прилипшими волосами вынырнула из прозрачной воды. Подхватив под мышки хихикавших Грейдона и Николаса, он уронил их на мелководье, разделил всех малышей на команды и начал игру. Через несколько минут Тони подплыла к нему и словно невзначай задела рукой плечо Билли, когда забирала мяч. Даже слабый намек на физический контакт был электризующим.

– Спасибо, – улыбнулась она. – Иди поплавай. У тебя только половина выходного дня в неделю, и ты, конечно, не захочешь провести его с моими детишками.

– Верно.

Билли нагло пялился на грудь Тони.

– Вот что, давай заключим пари.

– Пари?

– Ну да. Если я в следующие четверть часа найду жемчужину, завтрашнюю ночь ты проведешь со мной.

Тони рассмеялась, наслаждаясь его вниманием:

– За прошлый месяц ты нашел всего три. Вряд ли за пятнадцать минут найдешь четвертую.

– Верно. Это безнадежно. Так почему бы не заключить пари?

– Ты сам знаешь почему.

Тони взглянула в сторону гавани, где на летнем солнышке поблескивала «Селеста», яхта Бремаров – Мерфи.

– О какая чепуха! Нужно жить на всю катушку! Он уже надоел тебе до смерти. Кроме того, ты сама сказала, что я вряд ли найду жемчужину за четверть часа!

– А вдруг найдешь?!

Билли обнял Тони за талию и притянул к себе так, что их губы почти соприкасались.

– Если найду, значит, судьба. Нам предназначено быть вместе. По рукам?

– Ладно, договорились, – ухмыльнулась Тони. – Но она должна быть размером не меньше, чем с горошину!

– С горошину?! Брось! Это невозможно!

– Горошина! А теперь, проваливай! Мы собрались играть в вышибалы!

Билли заплыл на глубину, зажав в зубах нож для вскрытия устричных раковин, как пират – абордажную саблю. Нырнул раза два и каждый раз выныривал с большой раковиной, устраивая театральное шоу: вскрывал раковину, а ничего не найдя, хватался за сердце и снова скрывался в воде. Все это, конечно, чтобы посмешить Тони. Через несколько минут на берегу собралась постоянно растущая толпа зрителей. Мальчишка – классный пловец и дает настоящее представление!

«Он забавен, но слишком много мнит о себе», – думала Тони. Она отвернулась и принялась за игру, намеренно игнорируя выходки Билли.

Чарлз Бремар Мерфи был в прекрасном настроении после восхитительного ленча, на котором подавали роллы со свежими мэнскими лобстерами и винтажное шабли. Старик согласился увеличить ему содержание. И Тони пообещала надеть сегодня в постель атласные вырезанные спереди трусики, которые он ей подарил: перспектива, державшая его в постоянном сексуальном возбуждении с самого утра.

Растянувшись на шезлонге на верхней палубе, Чарлз чувствовал, как к нему возвращается уверенность. «Что за дурацкая одержимость недоноском Хэмлином? Конечно, он хочет Тони! Все хотят Тони. Но он мне не соперник! Она уже переспала с ним и бросила! Должно быть, Тони сейчас на пляже строит песочные замки с группой малышей».

Чарлз решил сделать ей сюрприз. Принести с камбуза клубнику в шоколаде. Телки любят бессмысленные романтические жесты. Она будет еще более благодарна в постели, чем обычно.

Он повелительно щелкнул пальцами в сторону одного из матросов.

– Приготовьте один из тендеров[2]. Я поплыву на берег.

Мальчишки устали играть в вышибалы и стали охотиться за крабовыми клешнями на мелководье. Внезапный шум заставил Тони обернуться.

«О Боже! Идиот!»

Билли заплыл за буйки, отделявшие отведенную для пловцов зону от гавани. Недалеко от берега были пришвартованы три яхты, а между ними и берегом скопились лодки поменьше. Одинокий пловец практически не был заметен среди стольких судов, нырять за жемчугом в таком месте – крайне опасно.

Тони лихорадочно махала Билли, пытаясь привлечь его внимание:

– Вернись! – кричала она. – Ты утонешь!

Билли приложил ладонь к уху, давая понять, что не слышит. Оставив мальчишек на берегу, Тони проплыла несколько ярдов и снова крикнула:

– Вернись, иначе не поздоровится!

Билли оглянулся. Ближайшие яхтенные тендеры были по крайней мере в пятидесяти ярдах позади него.

– Я в порядке! – откликнулся он.

– Не будь кретином!

– Еще два нырка!

– Билли, нет!

Однако Билли перевернулся, взмахнул ногами и исчез в волнах, чем вызвал охи, ахи и гром аплодисментов со стороны собравшихся на берегу. Тони прикусила губу, с тревогой ожидая появления пловца. Десять секунд… двадцать… тридцать…

«О Иисусе! Что случилось? Ударился головой? Мне не следовало заключать это дурацкое пари и поощрять его! Я знаю, как он беспечен! Совсем как я!»

Но тут молодой человек внезапно вынырнул, подняв кучу брызг, как резвящийся дельфин, и он размахивал гигантской устричной раковиной. Толпа на берегу орала и бесновалась.

[2] Вспомогательное судно типа катера.

Билли открыл раковину и вытащил жемчужину под еще более оглушительную овацию. Но сам он ничуть не обрадовался:

– Слишком маленькая. Моей принцессе нужна горошина!

– Прекращай! – окончательно разозлилась Тони. Игра потеряла привлекательность. Неужели эти идиоты на берегу не видят, как это опасно?

– Возвращайся, Билли! Я не шучу!

Билли возразил:

– У меня еще две минуты!

И набрав в грудь воздуха, снова исчез.

– Почему бы вам не позволить управлять тендером мне, сэр?

– Садитесь и отдыхайте.

Дэниел Грей был опытным матросом и последние двадцать лет работал на яхтах богатых людей. Бремар Мерфи – не лучше и не хуже большинства семей, к которым нанимался Грей. Но их сын Чарлз был редкостным маленьким хлыщом. Он много пил за ленчем, и, конечно, его не стоило оставлять за штурвалом такого дорогого судна, как тендер «Селесты».

– Я уже отдохнул, спасибо, – протянул Чарлз. – Принесите мне клубники и шампанского, которые я просил, и передайте матери, что я вернусь через пару часов.

– Прекрасно, сэр.

«Полный болван. Клянусь, он на что-нибудь налетит, и следующие десять лет его старик будет платить за ремонт».

На этот раз Билли показался на поверхности только через сорок пять секунд. Похоже, он по-прежнему считал все это шуткой и почти сразу же снова нырнул.

Взбешенная Тони отвернулась. Теперь она ни за что не проведет с ним ночь, какой бы большой ни оказалась чертова жемчужина или его чертово… что там еще у него есть. Плывя к берегу, она заметила нечто краем глаза. Гребная шлюпка, маленькая деревянная лодчонка.

«Какого черта эта штука тут делает?»

Не успела она подумать об этом, как увидела два тендера. Второй чуть отставал от первого, но шел на опасной скорости, с ревом направляясь к берегу. На первом тендере обратили внимание на деревянное суденышко и свернули, чтобы обойти его, легко сменив курс. Но на втором, казалось, не подозревали об опасности.

– Лодка! – завопила Тони, махая рукой второму тендеру. Она уже была на мелководье и смогла подпрыгивать и кричать.

– Ло-о-о-дка-а-а!!!

Чарлз поймал взглядом развевающиеся светлые волосы и белый бикини. Тони махала ему.

– Эй, бэби! – помахал он в ответ и прибавил скорость, хотел произвести на нее впечатление, но пошатнулся и схватился за штурвал, чтобы не упасть. Должно быть, шабли ударило ему в голову.

– Я кое-что везу тебе!

Он не сразу понял, что люди на берегу тоже ему машут. Неужели ни разу не видели яхтенного тендера? Или не видели такого мощного, как на «Селесте»?

К тому времени как он заметил шлюпку и осознал всю степень опасности, тендер был в нескольких секундах от столкновения. Двое сидевших в лодке подростков в ужасе прижались друг к другу. Чарлз увидел искаженные паникой лица, и его затошнило. Он был достаточно близко, чтобы разглядеть белки их глаз и отчаянное, молящее выражение лиц.

– Иисусе!

Он бросился к штурвалу.

Двое пляжных спасателей переглянулись.

– Мать твою…

– Он в них врежется, верно?

Схватив спасательные пояса, они кинулись в воду.

Тони в ужасе наблюдала, как второй тендер мчится к лодке. По мере того как он приближался, ужас становился нестерпимым.

«Это… Чарлз? Что он здесь делает?»

Она открыла рот, чтобы закричать, предупредить его, но из горла не вырвалось ни звука. Из-за выходок Билли она потеряла голос и охрипла. И поняла с леденящей ясностью, что эти мальчишки сейчас умрут.

А Билли тем временем поднял с песка пятую устричную раковину. Здесь было прохладно и спокойно, пятна солнечных лучей и эфемерные танцующие тени чередовались на песчаном дне. Шансы отыскать жемчужину размером с горошину были равны почти нулю. Но Билли нравилось выделываться, устраивая спектакль ради Тони и собравшихся на берегу. Он чувствовал себя в воде как дома. В реальном мире он ощущает себя ничтожеством по сравнению с Чарлзом. Но не здесь, в буйной свободе океана. Здесь он король.

Крепко сжимая раковину в кулаке, юноша стал всплывать к свету.

Изо всех сил дернув штурвал вправо, Чарлз закрыл глаза. Последующий рывок едва не перевернул тендер. Вцепившись в штурвал, Чарлз жалел, что не может заткнуть уши, болевшие от звенящих криков. Чей ужас он слышит? Мальчишек или свой собственный? Он не мог сказать. Соленая струя ударила в лицо, как бритвой. Тендер все еще двигался с дикой скоростью.

Каким образом все случилось так быстро – переход от счастья к несчастью? Только несколько секунд назад он изнемогал от блаженства. А сейчас…

Чарлз, стиснув зубы, с колотящимся сердцем ждал удара.

Люди на берегу разинув рты смотрели, как тендер метнулся вправо. Сначала волна была такой огромной и струя за кормой такой высокой, что наблюдатели не различали, что творится с лодкой. Наконец она показалась, сильно раскачиваясь на волнах, но неповрежденная. Мальчишки отчаянно махали руками спасателям.

Облегчение было невероятным. Люди вопили, кричали «ура», прыгали, обнимались.

– Удалось! Он их не потопил!

Но тут кто-то завопил:

– Пловец!

Для Тони все происходило как в замедленной съемке.

Она увидела, как свернул Чарлз, разминувшись с лодкой всего на несколько дюймов. На какую-то долю секунды она испытала облегчение, такое мощное, что ее чуть не вырвало. Но тут из воды вылетел Билли Хэмлин, и прямо на пути тендера. Даже если бы Чарлз увидел его, все равно никаким способом не смог бы остановиться.

Последнее, что успела заметить Тони, – потрясение на красивом лице Билли. И тут тендер закрыл ей обзор.

На берегу истерически кричали.

Чарлз выключил мотор, и тендер замер на месте.

Билли Хэмлин исчез.

Глава 2

Чарлз Бремар Мерфи, словно громом пораженный, скорчился на скамье на корме тендера, глядя на воду, теперь спокойную, серебристую и неподвижную, как стекло. Судя по всему, у него был шок. Спасатели плескались рядом в поисках Билли и поочередно ныряли на глубину.

Ничего.

Люди на берегу плакали навзрыд. Мальчишки в лодке благополучно добрались до берега и почти бились в истерике, не веря в свое спасение и сконфуженные происходящим. Малыши из группы Тони сгрудились на мелководье и опасливо жались друг к другу, напуганные паникой взрослых. Ошеломленная Тони подплыла к ним. Должно быть, кто-то позвал на помощь, потому что со всех сторон к месту происшествия мчались катера береговой охраны и тендеры с других, пришвартованных недалеко от берега, яхт.

– Тони!

Дрожащий Грейдон Хэммонд вцепился в ногу Тони.

– Не сейчас, Грейдон, – рассеянно пробормотала она, все еще глядя туда, где в последний раз показался Билли.

«Он не может погибнуть. Всего несколько секунд назад он там был! Пожалуйста, Господи, пожалуйста, не дай ему погибнуть только потому, что он дурачился из-за меня!»

– Тони!

Она уже хотела успокоить Грейдона, когда увидела… примерно в пятидесяти ярдах от того места, куда смотрела, на поверхности показавшегося оглушенного пловца.

– Вон там! – завопила она спасателям, истерически махая руками. – Там!

Она могла не беспокоиться. Спасательные лодки все как одна устремились к Билли и вытащили его из воды. Наблюдая все это, Чарлз Бремар Мерфи наконец разразился слезами. Все. Кошмар закончился.

Менее чем через минуту Билли уже был на пляже, широко улыбаясь, несмотря на боль, пока фельдшер обрабатывал рану на голове. Несколько человек подошли пожать ему руку и сообщить (можно подумать, он не знал), как ему повезло выжить.

– Знаете, это все ради нее, – заявил он своим только что обретенным поклонникам, кивая в сторону Тони, которая широким шагом шла к нему – богиня амазонок, в крошечном бикини, с длинными влажными волосами, картинно развевавшимися за спиной. – Моей принцессе понадобилась горошина. Что я мог сделать? Ее желание для меня закон.

Однако настроение Тони было отнюдь не романтичным.

– Чертов осел! – заорала она. – Ты мог погибнуть! Я думала, ты утонул!

– И ты бы тосковала по мне? – надулся Билли.

– О, да перестань валять дурака! Это не смешно! На беднягу Чарлза смотреть страшно! Он думал, что утопил тебя! Мы все так думали.

– Бедняга Чарлз?

Теперь уже разозлился Билли:

– Этот кретин мчался, как маньяк! Неужели не видела, как он едва не врезался в тех несчастных парнишек в лодке?

– Нечего им было делать в той зоне, – отрезала Тони. – И тебе тоже!

Грейдон Хэммонд вылез из воды и снова теребил Тони за ногу, что-то лепеча.

– Грейдон, пожалуйста! Я говорю с Билли.

– Но это важно! – взвыл Грейдон.

– Валяй, – горько вздохнул Билли. – Ясно, что тебе на меня плевать. Иди, утешай Грейдона, а может… и Чарли. Он в этом деле истинная жертва.

– Ради всего святого, Билли, конечно, не наплевать. Или считаешь, что я бы так злилась, если бы мне было все равно? Я думала, что потеряла тебя.

И Тони, к своему удивлению, разразилась слезами.

Билли Хэмлин обнял ее.

– Эй, – нежно прошептал он, – не плачь. Прости, что напугал тебя. Пожалуйста, не плачь.

– То-о-о-они!!! – завопил Грейдон. Тони неохотно высвободилась из объятий Билли.

– Что, солнышко? – уже мягче спросила она. – Что случилось?

Малыш молча смотрел на нее. Нижняя губка дрожала.

– Николас!

– Николас Хэндемейер?

Грейдон кивнул.

– Что с ним.

Грейдон залился слезами.

– Он уплыл. Пока ты следила за Билли. Уплыл и не вернулся.

Глава 3

От пляжа до Кэмп-Уильямса было четверть мили по песчаной тропе, почти целиком заросшей ежевичными кустами. Тони исцарапала ноги до крови, но, не обращая внимания на боль и жалобные крики пытавшихся бежать за ней детей, она мчалась во весь дух.

– Боже! Что это с тобой? Забыла одеться?

Мэри Лу Паркер, безупречная в форме выпускницы частной школы: шорты хаки, блузка с белым воротничком и пляжные тапочки, – брезгливо оглядела Тони. Это бикини… уже чересчур, тем более что вокруг дети. Мэри Лу понять не могла, что находит Чарлз Бремар Мерфи в Тони Гилетти.

– Ты видела Николаса? Николаса Хэндемейера? – пропыхтела Тони. Мэри Лу запоздало заметила, в каком она состоянии, и услышала приглушенный плач детей. Все выглядели так, словно побывали на войне. – Он возвращался сюда?

– Нет.

Тони жалобно вскрикнула.

– То есть не знаю, – поправилась Мэри Лу. – Лично я его не видела, но сейчас спрошу остальных.

Из домиков стали подтягиваться остальные вожатые лагеря. Никто не видел Николаса. Но Тони не стоит паниковать. Он должен выбраться из воды. Иногда маленькие мальчики сбегают. Он не может уйти далеко.

Группа парней, включая Дона Чота, университетскую звезду плавания, отправилась на берег, помочь спасателям. Билли Хэмлин и Чарлз Бремар Мерфи оставались там, помогая береговой охране. А Тони увела детей в лагерь. Сейчас она стояла, с беспомощным видом глядя вслед уходившим. Не зная, что еще делать, она велела детям переодеться и стала готовить еду. Пришедшая Мэри Лу увидела, как Тони вяло режет огурцы, глядя при этом в стену.

– Давай, я сама, – любезно предложила Мэри Лу. Она не любила Тони. Но все знали, как та обожает маленького Николаса. В ее глазах столько тоски!

– Иди. Приведи себя в порядок. Бьюсь об заклад, он отыщется к тому времени, как ты примешь душ. Возможно, уже успел проголодаться.

Шагая в свой домик, Тони пыталась заставить себя поверить словам Мэри Лу.

«Он вот-вот вернется. Возможно, ребенок проголодался».

Другие мысли, пугающие мысли, никак не хотели отступать, маяча на краю сознания. Но Тони старалась их отгонять. Сначала подростки в лодке. Потом Билли. Теперь Николас. День превратился в сплошные американские горки: от ужаса к восторгу. Но все должно кончиться хорошо. Должно.

Когда Тони увидит Николаса – обнимет его, поцелует и скажет, как жалеет, что позволила Билли отвлечь себя. Завтра они вместе станут ловить крабов и играть в мяч. Выстроят целые песочные города. Тони не будет с похмелья, не будет уставшей, не будет думать о своей любовной жизни. Она будет с детьми. С Николасом. Присутствовать на все сто процентов.

Тони остановилась у двери домика.

Мальчики по одному появлялись у конца тропинки на пляж. Шли молча, опустив головы. Тони, окаменев, уставилась на них, слыша только назойливый шум прибоя в ушах.

Потом она долгие годы будет видеть во сне их лица.

Чарлз Бремар Мерфи, ее любовник до сегодняшнего дня, похожий на призрак. Бледный до синевы.

Дон Чот, с плотно сжатыми губами и стиснутыми кулаками.

И наконец, Билли Хэмлин, с распухшим от слез лицом.

И безжизненное тело мальчика у него на руках.

Глава 4

– Итак, давайте все выясним. Когда вы впервые заметили исчезновение Николаса?

Пуговичные глазки миссис Марты Крамер перебежали с Тони на Билли. Оба выглядели перепуганными. И поделом.

Марта управляла лагерем уже двадцать два года, сначала вместе с мужем Джоном, а последние девять лет – одна, оставшись вдовой. И за это время ни разу не случалось чего-то серьезного с мальчиками, переданным на ее попечение. И вот теперь – такая трагедия. Да еще в дежурство сына плотника и дочери миллионера – торговца электроникой.

Ростом всего пять футов, с идеально причесанными седыми волосами и пенсне – фирменная деталь, – вечно висевшим на цепочке вокруг шеи, миссис Крамер также считалась одной из достопримечательностей Кеннебанкпорта. Крошечная фигурка и манеры заботливой матери заставляли многих недооценивать ее интеллект и деловые способности. Пусть Кэмп-Уильямс позиционировал себя как старомодное фамильное заведение, после смерти мужа миссис Крамер удвоила цены и стала тщательно отбирать мальчиков, которых принимала на отдых, тем самым создав репутацию владелицы самого элитарного летнего лагеря на всем Восточном побережье. Подростковый труд был дешев, накладные расходы невелики. Она даже позволила себе сделать ремонт и потратиться на плотника. Короче говоря, миссис Марта Крамер владела курицей, несущей золотые яйца, а двое безответственных сопляков только сейчас прирезали эту курицу.

– Я уже говорил вам, миссис Крамер, у меня было сотрясение мозга. Тони присматривала за мной. Мы думали, что все детишки на берегу, когда подбежал Грейдон и сказал, что Николас пропал.

Говорил один Билли. Девчонка Гилетти, обычно невероятная трещотка, как ни странно, онемела. Шок? Или достаточно умна, чтобы не сказать чего лишнего не в свою пользу? Миссис Крамер становилось не по себе оттого, что она видела в ее глазах.

«Она думает, плутовка этакая! Взвешивает варианты. Или ищет выход».

И Тони, и Билли успели одеться: он в расклешенные джинсы и рубашку с логотипом «Роллинг стоунз», она – в юбку до пола, с бахромой на подоле и водолазку. Такая скромная одежда была нетипична для блудной дочери Уильяма Гилетти. Марта прищурилась еще сильнее:

– И вы сразу подняли тревогу?

– Конечно. Там же были представители береговой охраны. Я остался помочь, а Тони вернулась сюда на случай…

Билли осекся и глянул на Тони, которая уставилась в пол.

– Мисс Гилетти, вам нечего сказать?

– Будь у меня что сказать, я бы сказала, наверное!

Выведенная из ступора, как опьяневшая от солнца дремучая змея, Тони предпочла нападение:

– Билли уже рассказал, как было дело! Зачем вы нас достаете?

– Достаю?!

Марта Крамер выпрямилась во все свои пять фунтов и пронзила негодующим взглядом избалованную девицу.

– Мисс Гилетти, погиб ребенок! Утонул! Это вы понимаете? Полиция и родные мальчика уже едут сюда. Они будут «доставать» вас, пока точно не узнают, что случилось, как все произошло на самом деле и кто виноват.

– Никто не виноват, – тихо ответила Тони. – Это был несчастный случай.

Миссис Крамер приподняла бровь:

– Неужели? Что же, будем надеяться, что полиция с тобой согласится.

Выйдя из офиса миссис Крамер, Тони дала волю слезам и упала в объятия Билли.

– Скажи, что это просто кошмарный сон. Скажи, что я сейчас проснусь.

– Ш-ш-ш-ш…

Билли прижал ее к себе. Так приятно держать ее. Больше никакого «бедного Чарли!». В этом деле они с Тони вместе.

– Все, как ты сказала. Это был несчастный случай.

– Но бедный Николас! – зарыдала Тони. – Не могу не думать о том, как он был напуган. Как отчаянно хотел, чтобы я услышала его! Спасла!

– Не нужно, Тони. Не мучай себя!

– Он наверняка звал меня! Кричал, просил помощи! О Боже, я этого не вынесу! Что я наделала? Я не должна была оставлять его одного!

Билли усилием воли попытался избавиться от преследовавшей его картины: трупа маленького Николаса. Мальчик плавал лицом вниз, когда Билли нашел его в каменистой бухточке всего в нескольких ярдах от берега. Билли пытался сделать ему искусственное дыхание, а парамедики на берегу трудились добрых двадцать минут, нажимая на грудь, чтобы привести ребенка в чувство. Все бесполезно…

– Теперь меня точно посадят, – выдохнула Тони.

– Конечно нет! – великодушно утешил Билли.

– Посадят.

Тони заломила руки:

– Меня уже дважды приводили в полицию.

– Дважды?

– Один раз за мошенничество, второй – за хранение наркотиков. О Боже, что, если они возьмут анализ на наркотики? Так ведь делается всегда, верно? А у меня еще кокаин не выветрился. И травка! О, Билли, меня запрут и выкинут ключи!

– Успокойся! Никто тебя не запрет! Я не позволю.

Билли наслаждался сознанием собственной силы. Как приятно сознавать, что Тони полагается на него. Именно так и должно быть. Они двое против всего мира. Чарлз не годится в любовники Тони, какой из него мужчина! Но он, Билли Хэмлин, покажет, на что способен.

Пока он гладил волосы Тони, две патрульные машины полиции штата Мэн остановились перед вестибюлем Кэмп-Уильямса. Из них вышли трое, двое в мундирах, один в темном костюме и сорочке со стоячим воротничком с заломленными уголками. Миссис Крамер поспешила встретить их. Морщинистое лицо ее было мрачным.

Прижав Тони к себе, Билли вдохнул ее запах, и волна животного желания захлестнула его.

– Они нас не разлучат, – прошептал он. – Давай сравним наши показания. И придерживайся того, что ты сказала миссис Крамер. Ни в коем случае не упоминай о наркотиках.

Тони с жалким видом кивнула, чувствуя, что ее в любую минуту может вырвать. Миссис Крамер уже вела к ним полицейских.

– Не волнуйся, – выдохнул Билли. – У тебя все будет хорошо. Доверься мне.

Часа через два, когда малыши благополучно спали, остальные вожатые сидели вокруг большого обеденного стола, успокаивая друг друга. Все видели, как «скорая» увезла тело маленького Николаса. Кто-то из девушек плакал.

– Что теперь будет с Тони и Билли? – спросила Мэри Лу.

Дон Чот возил по тарелке остывший хот-дог.

– Ничего. Произошел несчастный случай.

Несколько секунд все молчали. Потом кто-то высказал то, о чем думали все.

– Пусть так. Но один из них должен был видеть, как Николас покидает группу. Кто-то из них должен был наблюдать за детьми.

– Это был несчастный случай! – заорал Дон, с такой силой ударив кулаком по столешнице, что стол задрожал. – И такое могло произойти с любым из нас!

Дон помогал нести в лагерь тело Николаса. Ему было всего двадцать лет, и, очевидно, трагедия больно ранила его.

– Не стоит разбрасываться обвинениями.

– Я не разбрасываюсь обвинениями. Я только говорю…

– Не стоит! Ничего не говори! Откуда тебе знать, парень? Тебя там не было!

Почувствовав, что дело может дойти до драки, Чарлз обнял друга за плечи и увел:

– Все в порядке, Дон. Пойдем подышим воздухом.

Как только они ушли, Энн Филдинг, одна из самых тихих студенток Уэллсли, неожиданно заговорила:

– Тут что-то не так. Мальчик мертв. Он не мог утонуть на таком мелководье, где даже волн нет. Если только за детьми не следили очень-очень долго…

– Вполне понимаю, что могло отвлечь Билли, – заметил один из парней. – То бикини, что было на Тони, можно расценить как прямое приглашение.

– Мы говорим о Тони Гилетти? – прошипела Мэри Лу Паркер. – Какое-тут приглашение? Просто, кто поспел первым, того и обслужили.

Все рассмеялись.

– Тише! – вмешалась Энн Филдинг, прижавшись лицом к стеклу. – Они выходят.

Дверь в административные помещения открылась. Последние три часа Тони и Билли непрерывно допрашивала полиция. Тони появилась первой, опершись на руку одного из полицейских. Даже на расстоянии было видно, как она нравится молодому копу, покровительственно обнявшему ее за талию и ободряюще улыбавшемуся.

Он проводил Тони к ее домику.

– Судя по виду, серьезные неприятности ей не грозят, – ехидно бросила Мэри Лу.

Но тут появился Билли Хэмлин. По одну сторону от него шел детектив в штатском, по другую – коп. Его подвели к патрульной машине. Когда он садился на заднее сиденье, вожатые заметили блеск стали.

– На него надели наручники! – изумилась Энн. – О Господи! Неужели он арестован?

– Вряд ли они везут его в садомазоклуб, – сухо ответил кто-то.

По правде говоря, парни в Кэмп-Уильямсе недолюбливали Билли Хэмлина: сын плотника пользовался слишком большим успехом у женщин. Девушки же, поддаваясь обаянию и красоте Билли, считали все же его чужаком, чем-то вроде игрушки, с которой можно забавляться, но вряд ли – равным себе.

– Что это вы вытворяете? Глазеете в окно, как стадо гусей!

Властный голос Марты Крамер разрезал тишину в комнате, как сирена, возвещавшая о воздушном налете. Все подскочили от неожиданности.

– Если я не ошибаюсь, завтра вам нужно на работу.

– Да, миссис Крамер.

– Крайне важно, чтобы распорядок дня в лагере соблюдался как обычно. Дети не должны страдать.

Осмелилась вмешаться только Мэри Лу Паркер.

– Но, мисс Крамер, Билли Хэмлин…

– Билли не помогут досужие сплетни, – оборвала пожилая леди. – Надеюсь, не мне напоминать, что погиб ребенок. Это не развлечение, мисс Паркер, это трагедия. А теперь всем разойтись. Свет погаснет в одиннадцать.

Глава 5

Повсюду вода. Морская вода. Темно, хоть глаз выколи, холодно, и промокшая одежда противно липнет к телу, как водоросли. Постепенно до нее дошло. «Я в пещере». Вода поднималась медленно, но непрерывно, и каждая волна была выше предыдущей. Шурх. Шурх. Шурх. Ослепшая Тони цеплялась за стены в отчаянных поисках выхода. Но как она вообще сюда попала? Тони не помнила. Но если был вход, значит, должен быть выход. Только нужно побыстрее его найти.

Вода доходила до плеч… Ушей.

– Помогите!!!

Вопль Тони эхом отдался от стен. Никто не услышал. Не ответил.

– Пожалуйста, кто-нибудь, помогите!

– Мисс Тони, мисс Тони, все в порядке.

Тони, задыхаясь, села в постели, все еще охваченная ужасом. Безумным взглядом обвела комнату. Ночная рубашка промокла от пота.

– Кармен!

Испанка-горничная Гилетти ободряюще кивнула:

– Си, мисс Тони. Все хорошо. Это сон. Успокойтесь!

Тони бессильно опустилась на подушки, постепенно возвращаясь к реальности. Она не тонула. Она не в Кэмп-Уильямсе. Она в своей спальне, дома, в Нью-Джерси. Но Кармен ошибалась: не все в порядке. Билли Хэмлина будут судить за убийство.

Все это совершенный абсурд. Такой невыносимый, что Тони с каждым днем все больше укреплялась в мысли: обвинения будут сняты, это огромная трагическая ошибка. Она так и не смогла поговорить с Билли после ареста, но, слушая бесчисленные сплетни, ходившие в лагере, смогла составить ясное представление о том, что произошло. Очевидно, Билли сказал копам, что это он должен был следить за Николасом и остальными мальчиками, когда случилась трагедия. Он также признал, что употреблял наркотики, наверное, для того, чтобы отвести подозрения от Тони, которая уже имела два привода. Видимо, именно это он имел в виду, когда пообещал, что полиция от нее отвяжется.

Сначала Тони не чувствовала ничего, кроме облегчения и благодарности. Никто раньше не шел ради нее на такие жертвы, и уж, конечно, не парень. Все мальчишки хотели переспать с ней, но на самом деле им было на нее наплевать. Не то что Билли.

Между тем романтичный жест обернулся кошмаром. Семья Хэндемейеров, взбешенная известием о наркотиках и отчаянно желавшая обвинить кого-то в смерти сына, настояла на предъявлении обвинений. Отец Николаса был сенатором и одним из самых богатых в Мэне людей. Сенатор Хэндемейер желал, чтобы ему поднесли на блюде голову Билли Хэмлина. Он был достаточно влиятелен, чтобы надавить на окружного прокурора. Вскоре невинная ложь Билли, призванная защитить Тони, стала национальной новостью, и облегчение девушки сменилось постоянным, терзавшим душу страхом.

Родители по всей Америке скорбели вместе с Хэндемейерами. Терять ребенка – всегда трагедия. Но потерять единственного семилетнего сына в таких кошмарных обстоятельствах просто невыносимо. И это характеризует современное общество, в котором подростку-наркоману доверено присматривать за группой беззащитных детей.

Красивое лицо Билли одновременно появилось на всех новостных каналах и в каждой газете как образец человека, принадлежащего к этому эгоистичному, гедонистическому поколению. Конечно, парень не убил мальчика собственноручно. Все понимали, что суд закончится ничем, что в своей скорби сенатор Хэндемейер зашел слишком далеко. И все же людям нравилось, что поствьетнамское поколение каким-то образом должно быть призвано к ответу. За две

недели до суда «Ньюсуик» поместила статью о суде с фотографией Билли, длинноволосого, с голым торсом, а рядом – снимок милого маленького Николаса в школьной форме и галстуке.

Под снимками чернел простой заголовок. Всего два слова: «Что случилось?»

Автор не спрашивал, что случилось на пляже в тот идиллический день в летнем лагере. Его волновало другое: что случилось с американской молодежью? Что произошло с порядочностью, с моральными принципами нации?

Суд над Билли был назначен на октябрь. По мере того как шли дни, нервы Тони натягивались, словно струны, грозя лопнуть. Она по-прежнему не знала, вызовут ли ее давать показания. И понятия не имела, что говорить, хотя понимала, что нужно признаться всему миру в том, что это она, а не бедный, ни в чем не повинный Билли позволил Николасу умереть. Но каждый раз, когда она поднимала трубку, чтобы позвонить в офис окружного прокурора и сказать правду, сдавали нервы. Когда дошло до дела, оказалось, что у Билли есть душевные силы и благородство, но не у Тони. Она просто не могла признаться.

А тем временем кошмары становились все более жуткими.

Она жаждала поговорить об этом хоть с кем-то, снять с себя бремя вины и тоски, откровенно рассказать обо всем, что случилось в тот несчастный день на пляже. Но с кем она могла поговорить? Подруги все – сплетницы и стервы. Чарлз Бремар Мерфи ни разу не позвонил с того дня, как она уехала из Кэмп-Уильямса. А что касается родителей… отец был слишком озабочен тем, как нежелательная известность может повлиять на его бизнес, и плевать хотел на эмоциональное состояние дочери. Он действовал быстро и решительно, дабы имя Тони не попало в газеты, используя предупредительные судебные запреты против ряда печатных органов и телеканалов, и держал Тони фактически под домашним арестом с самого ее возвращения домой. Но дальше его родительская забота не простиралась. А Сандра, мать Тони, была слишком занята шопингом и игрой в бридж с приятельницами, а также своим здоровьем, чтобы расспросить Тони о событиях, на самом деле произошедших в тот день на пляже, и о чувствах дочери.

С трудом встав с постели, Тони пошла в ванную, поплескала холодной водой на лицо, глянула на отражение в зеркале. «Ты оставила Николаса умирать, одинокого и испуганного. Ты позволила Билли Хэмлину взять вину за все, что сделала. Ты трусиха и лгунья, и когда-нибудь все об этом узнают».

Суд должен начаться через шесть дней.

Глава 6

– Как я выгляжу?

Билли Хэмлин повернулся лицом к отцу. Стоя в убогой, тесной камере, с только что подстриженными и уложенными светлыми волосами, в костюме с галстуком от «Брукс бразерс», он напоминал скорее молодого адвоката, чем обвиняемого в громком деле об убийстве.

– Хорошо выглядишь, сын, красивым, серьезным. Ты должен пройти через это.

Последние три месяца для Джеффа Хэмлина были адом на земле. Плотник из Куинса мог пережить злобные сплетни соседей о сыне. Мог смириться с потерей половины заказчиков и злобно-осуждающими взглядами прихожанок пресвитерианской церкви Святого Луки, той церкви, которую они с Билли посещали последние пятнадцать лет. Но беспомощно наблюдать, как чернят его обожаемого сына на всю страну, называют чудовищем, воплощением зла и убийцей? Это разрывало сердце Джеффа Хэмлина. Сам процесс будет фарсом: все, даже Хэндемейеры серьезно сомневались, что Билли будет признан виновным. Но оправдают парня или нет, вся Америка навсегда запомнит сына Джеффа Хэмлина как наркомана, позволившего невинному малышу утонуть.

Хуже всего, что Билли ни в чем не был виноват. В отличие от полиции Джефф Хэмлин ни на секунду не поверил россказням сына.

– Мальчики были поручены не ему, – сказал Джефф адвокату Билли, назначенному штатом защитнику с несчастливой, весьма символической фамилией Луз – Лесли Луз[3]. Они сидели в офисе Луза, коробке без окон на задах ничем не примечательного строения в Алфреде, штат Мэн, всего в нескольких кварталах от здания суда. – Он выгораживает девушку.

Лесли задумчиво уставился на Джеффа Хэмлина. Говоря по правде, было совершенно не важно, кто наблюдал за детьми. Случившееся с Николасом Хэндемейером квалифицировалось как несчастный случай. Любое жюри присяжных во всем мире это поймет. Но адвоката разобрало любопытство:

– Почему вы так считаете?

– Я не считаю. Я знаю. Знаю своего сына и знаю, когда он лжет.

– В самом деле?

– В самом деле.

– Вам было известно, мистер Хэмлин, что Билли пьет?

– Нет, – признался Джефф. – То есть я знал, что иногда он может позволить себе банку пива.

– Вам было известно, что он курит марихуану?

– Нет.

– И что употребляет тяжелые наркотики? Кокаин. Амфетамины.

– Не знал. Но…

– Все это было найдено в крови вашего сына в тот день, когда умер Николас Хэндемейер.

– Да. Но почему все это было найдено? – Джефф в раздражении воздел руки вверх. – Потому что Билли попросил полицейских поискать наркотики. Сам предложил сделать анализ крови, во имя всего святого! К чему бы ему делать это, если бы он не добивался, чтобы его признали виновным?

Лесли Луз неловко откашлялся.

– Я не говорю, что Билли виновен. Весь процесс – это месть, задуманная сенатором Хэндемейером. И это известно всему миру.

– Надеюсь, что так.

---

[3] От *англ.* «lose» – терять, проигрывать.

– Поймите, мистер Хэмлин, я лишь хочу сказать, что мы далеко не так хорошо знаем наших детей, как хотели бы думать. Худшее, что может сделать Билли сейчас, – начать указывать пальцем на других, пытаясь свалить на них вину. Он признался в употреблении наркотиков, признался, что натворил ошибок. Но это еще не делает его убийцей.

– Билли – хороший парень, – устало выдавил Джефф.

– Понимаю, – ободряюще улыбнулся Лесли. – И именно это позволит нам выиграть дело. Это и полное отсутствие веских доказательств у обвинения. Газеты выставили Билли монстром. Когда присяжные увидят, как он на самом деле отличается от того чудовища, каким его изобразили, точно оправдают.

– Но как насчет ущерба, нанесенного репутации Билли? Кто заплатит за это?

– Всему свое время, мистер Хэмлин, – мягко ответил Лесли Луз. – Сначала нужно вернуть вашего сына домой. Как только обвинения будут сняты, подумаем о дальнейших мерах.

Уверенность адвоката несколько успокоила Джеффа. Сам он знает свой верстак и инструменты, но понятия не имеет, как завоевать расположение присяжных и что считается или не считается убийством. Несмотря на имя, у Луза был прекрасный послужной список, в котором значились дела куда менее выигрышные, чем у Билли.

В дверях появился надзиратель.

– Пора ехать.

Билли улыбнулся. Он выглядел таким счастливым и уверенным, что даже отец немного расслабился.

– Удачи, сын.

– Спасибо, па. Она мне не понадобится.

От тюрьмы до здания суда было рукой подать. Билли Хэмлин выглянул из заднего окошка тюремного фургона. Он был взволнован, но не только потому, что вот-вот выйдет на свободу.

«Через час я снова увижу Тони! Она будет так счастлива! Так благодарна! Когда все кончится, я попрошу ее выйти за меня».

Интересно, изменилась ли она. Остригла ли волосы или, может быть, похудела? Впрочем, зачем ей это? Тони Гилетти и так само совершенство!

За все время, что он ожидал в тюрьме суда, она написала ему всего одну короткую записку. Билли надеялся на более оживленную переписку. Но Тони намекнула, что родители ее контролируют и трудно ускользнуть от надзора. Девушке не хотелось писать, оставляя лишние доказательства их отношений, и Билли вполне ее понимал.

«Да какая разница? Скоро этот кошмар закончится, и мы сможем начать нашу жизнь вместе».

Билли был потрясен предъявленным обвинением в убийстве, но все же не жалел о своей жертве. Опасность попасть в тюрьму ему не грозила, а вот если бы Тони с ее уголовным досье предстала перед судом, могло случиться все. Он знал, что пресса его не жалует, хотя несколько месяцев не смотрел телевизора, один из надзирателей показал ему статью в «Ньюсуик». Однако в отличие от Джеффа собственная репутация его не волновала.

«Как только процесс закончится, люди быстро все забудут. Кроме того, они увидят, что на самом деле я не такой монстр, каким меня представляют».

На его стороне были юность, наивность и любовь к необыкновенной женщине. Когда-нибудь он и Тони мысленно вернутся в то время и всего лишь покачают головами при мысли о творившемся здесь безумии.

Тюремный фургон катился вперед.

Суд над Билли Хэмлином должен был состояться в судебном зале округа Йорк в деловом центре Алфреда. Девон Уильямс, судья верховного суда, будет председательствовать в зале

номер два, элегантно обставленной комнате в передней части здания в колониальном стиле со старомодными высокими окнами на нескольких петлях, деревянными скамьями и подлинным, оставшимся с конца девятнадцатого века паркетом, который каждый день натирали до ледяной гладкости. Здание суда округа Йорк представляло собой все, что есть хорошего, традиционного и порядочного в самом консервативном из штатов. И все же в его стенах ежедневно проявлялись все грани людского несчастья и пороков. Скорбь. Коррупция. Насилие. Ненависть. Отчаяние. За красивым фасадом с белыми колоннами уничтожались и возрождались жизни. Исполнялись и разбивались в прах надежды. Вершилось правосудие. А в некоторых случаях в правосудии было отказано.

Тони Гилетти прибыла в суд в сопровождении родителей. Перед входом собралась большая толпа зевак и репортеров.

– Взгляни на всех этих людей, – нервно прошептала Тони матери. – Должно быть, в отелях Алфреда не осталось ни одного свободного номера!

Сандра Гилетти одернула облегающую юбку от Диора и улыбнулась в камеры. Она была так рада, что решила принарядиться. Уолтер тревожился, что она будет выглядеть слишком вызывающе. Но теперь, когда камеры репортеров новостного канала Эн-би-си были направлены на нее, Сандра просто умерла бы со стыда, если бы оделась в какое-нибудь убожество из местного универмага.

– Что ж, процесс вызвал огромный интерес, – прошептала она в ответ.

«Ну да, и собачье дерьмо вызывает огромный интерес у мух», – с горечью подумала Тони.

За гневом прятался страх. Обвинение вызвало ее в качестве свидетеля. Она получила повестку всего несколько дней назад, к величайшему раздражению отца.

– Вы не можете избавить ее от этого? – спросил Уолтер Гилетти Лоренса Макги, дорогого Манхэттенского адвоката, которого он нанял в помощь дочери. – Мы до последнего времени ничего не знали. У нее не было времени подготовиться.

Лоренс объяснил, что Тони и не должна готовиться.

– Все, что ей необходимо, – выйти и сказать правду. Никто не оспорит ее показаний. Полицейский протокол и результаты допроса Хэмлина вполне совпадают.

Но Лоренс Макги, конечно, не знал правды. Правды не знали ни полиция, ни родители Тони. Никто, кроме самой Тони и Билли. А если Билли изменит показания под присягой? Что, если его адвокат устроит перекрестный допрос и вытянет из нее правду? Знает ли Билли, что обвинение вызвало ее в качестве свидетеля? Возненавидит ли он ее за то, что она станет давать показания против него? За то, что предпочла солгать? Или он именно этого хотел?

Сама мысль о том, что она снова увидит его лицо, заставляла сердце Тони биться сильнее, а ладони неприятно потели. Она не была так напугана с того момента, когда Грейдон Хэммонд взглянул на нее со слезами на глазах и пробормотал, что Николас исчез.

– О-о-о, смотри! Это, должно быть, родители, – взволнованно бормотала Сандра Гилетти, словно увидела кого-то из знаменитостей на великосветской свадьбе.

Тони повернулась, словно ужаленная. Она и раньше видела снимки Хэндемейеров по телевизору, но не была готова к реальности. Рут Хэндемейер, мать Николаса, была так похожа на сына, что у Тони сжалось сердце. Те же светлые волосы оттенка ирисок, те же круглые карие глаза, Только у Николаса они были игривыми и веселыми, а у матери – затянутыми скорбной дымкой. Тони не сводила глаз с Рут Хэндемейер, пока та неторопливо шла к своему месту в сопровождении мужа и дочери.

Сенатор Хэндемейер был старше жены, на вид лет пятидесяти, с коротко остриженными седыми волосами и лицом, словно высеченным из гранита. Ярость била из его темно-синих глаз – контролируемая, исполненная решимости ярость умного, влиятельного человека. Дикий, бессильный рев раненого тигра – не для сенатора Хэндемейера. Этот человек был воплощенной жаждой мести и действовал методично, с целью добиться справедливого суда над винов-

ными в смерти его сына. Обозревая зал заседаний с видом хозяина, сенатор бросил короткий взгляд на Лесли Луза. Задетый адвокат отвел глаза. И тут, к ужасу Тони, сенатор уставился на нее. Она смотрела на него, неподвижная, как статуя, и желудок от страха скручивался в трубочку. «Неужели он видит вину у меня в глазах? Неужели угадывает правду»?

Но когда к скамье подсудимых подошел Билли, сенатор вперился в него взглядом, полным неподдельной ненависти, в которой не было места ни для Тони, ни для кого-то еще.

Если на Билли и подействовал уничтожающий взгляд сенатора, он ничем этого не показал и, отыскав глазами Тони, широко улыбнулся той открытой мальчишеской улыбкой, которую та помнила еще со времен лагеря. Она улыбнулась в ответ, ободренная его очевидной уверенностью.

«Это суд, – убеждала она себя. – Сенатор имеет право на скорбь, но Билли никого не убивал, и присяжные это поймут».

Лесли Луз нервно теребил золотые запонки. Его клиент не должен улыбаться хорошенькой свидетельнице обвинения с видом влюбленного щенка. И если уж на то пошло, вообще не должен улыбаться. Маленький мальчик утонул, и Билли Хэмлину, виновен он или нет, следует выглядеть так, словно он убит горем.

Лесли Луз краем глаза увидел, как напряглись широкие плечи сенатора Хэндемейера. Он был словно сжатая пружина, готовая распрямиться и ударить Билли, а возможно, и тех, кто посмеет ему помогать. Впервые с того дня, как принял дело, Луз задался вопросом, такой ли уж легкой будет победа.

– Всем встать.

Заседание суда пошло обычным порядком и, как казалось Тони, с рекордной скоростью. Не успели обе стороны произнести вступительные речи, как ее вызвали на место свидетеля и заставили принести клятву на Библии.

– Мисс Гилетти! Вы были на пляже с ответчиком в день трагедии. Как по-вашему, Уильям Хэмлин показался вам рассеянным?

– Я… я не знаю. Не помню.

Она так нервничала, что стучали зубы. Весь зал смотрел на нее. Боясь случайно встретиться глазами с сенатором Хэндемейером или с Билли, она упорно смотрела в пол.

– Не помните?

«Конечно, помню. Помню все. Лодку. Чарлза, едва не убившего этих мальчиков. Билли, нырявшего за жемчугом, исчезнувшего под водой. Помню все, кроме Николаса, потому что не следила за ним. Это я! Я позволила ему умереть!»

– Нет.

– Другие свидетели подтвердили, что в тот день Уильям Хэмлин несколько раз нырял за устрицами. Что устроил ради вас целый спектакль. Это вы помните?

Тони взглянула на свои сцепленные руки.

– Да. Помню, как он нырял.

– Несмотря на то, что ему в это время было поручено присматривать за группой маленьких мальчиков?

Тони пробормотала что-то невнятное.

– Говорите отчетливо, пожалуйста, мисс Гилетти. Нам известно, что с самого начала эта группа была поручена вам. Но вы договорились поменяться сменами с ответчиком. Это так?

«Нет! Билли ни за что не отвечал! Это я виновата!»

– Все верно.

– Почему?

Тони в панике вскинула голову и, не подумав, уставилась на Билли, словно прося помощи. Что ответить?

– Простите, – покраснела она. – Что «почему»?

– Почему вы договорились поменяться сменами, мисс Гилетти?

На какой-то жуткий момент все мысли вылетели у Тони из головы.

– Потому что…

Слово повисло в воздухе, как раскачивавшийся в петле труп. Последовавшее молчание казалось бесконечным. Но наконец Тони выпалила:

– Потому что я устала. Плохо спала накануне и… не хотела присматривать за мальчиками, если не сосредоточена на все сто процентов.

Она снова глянула на Билли, который едва заметно кивнул.

«Молодец. Хороший ответ».

– Спасибо, мисс Гилетти. У меня вопросов нет.

Процесс шел своим чередом. Билли краем уха прислушивался, но в основном следил за Тони.

«Она еще красивее, чем я помню. После суда мы переберемся на Западное побережье. Начнем все сначала, с чистого листа».

Жаль, что он не может поговорить с ней, сказать, чтобы не боялась, что все будет хорошо. Бедняжка так перепугана, словно его вот-вот поведут на расстрел. Его тронуло, что она за него боится. Но к чему это? Все скоро закончится.

Билли твердо знал, что его оправдают. Его адвокат тысячу раз твердил ему это. В конце концов не важно, кто должен был позаботиться о Николасе. Произошел несчастный случай. Никто никого не убивал. Это ошибка, ужасная, трагическая ошибка.

Единственное, что слегка его беспокоило, – количество свидетелей, рассказавших об употреблении им наркотиков. Да, иногда он покуривал травку и вынюхивал одну-две дорожки кокаина. Но в устах «экспертов», стоявших на свидетельском месте, он превращался в прожженного наркомана, а Лесли не пытался опровергнуть обвинения.

Джефф Хэмлин беспокоился по тому же поводу. И в первом же перерыве отвел Лесли в сторону.

– Этот эксперт по наркотикам описывал Билли как торчка. Почему вы ничего не сказали?

– Потому что наркотики – способ отвлечь присяжных. Дополнительный спектакль. Не стоит в это втягиваться!

– Но жюри уже точно в это втянулось! Видели выражение лица председателя? – запротестовал Джефф. – А женщины средних лет, той, что сидит в середине? Выглядела так, словно хочет повесить Билли прямо здесь, в зале суда.

– Наркомания или ее отсутствие никак не повлияет на дело.

– А обвинение, очевидно, думает, что повлияет.

– Потому что дела у них нет. Все рассыпается, – уверенно ответил Луз. – Факт, который я определенно докажу завтра, когда мы начнем защиту Билли. Пожалуйста, постарайтесь не волноваться, мистер Хэмлин. Я знаю, что делаю.

У обвинения ушло два дня на то, чтобы представить дело. Прокурор исполнял роль палача, методически уничтожая Билли. Основной упор делался на токсикологической экспертизе и склонности к дракам. Еще больше было сказано о его распущенности, поскольку немало девушек из Кэмп-Уильямса со слезами признались под присягой, что обаятельный сын плотника их «совратил». Вместе с признанием Билли, подтвержденным показаниями Тони Гилетти, что именно он присматривал за мальчиками в тот день, все пришли к общему мнению, что помощники окружного прокурора сделали достаточно, чтобы доказать неумышленное убийство. Но для этого нужно было еще больше. Им требовалось доказать пренебрежение своими обязанностями и вызвать ненависть.

– Защита вызывает Чарлза Бремара Мерфи.

Билли бросил недоуменный взгляд на адвоката.

«Разве мы это обсуждали?»

Чарлз никогда не был расположен к Билли.

– Мистер Бремар Мерфи, вы присутствовали на берегу в тот день, когда погиб Николас Хэндемейер, не так ли?

– Был, – серьезно кивнул Чарлз.

Сейчас, в безупречно сшитом костюме от Холстона и светло-желтом галстуке, с аккуратным пробором в темных волосах и кольцом колледжа Гротон, поблескивающим на мизинце, он выглядел красивым, здравомыслящим и консервативным – то есть, по мнению жюри, полной противоположностью Билли Хэмлина.

– Расскажите, что запомнили.

Чарлз глубоко вздохнул.

– Я в тот день был на яхте родителей. Боюсь, выпил пару бокалов вина, но все равно взял один из тендеров, чтобы добраться до пляжа, что с моей стороны было глупостью.

Тони внимательно изучала лица присяжных, которые завороженно слушали. Поразительно, как снисходительны они к признанию Чарлза в том, что он пил вино, но не желают простить Билли за предполагаемое пристрастие к наркотикам. Неужели алкоголь более приемлем в обществе? Или их так обаяли манеры и воспитание Чарлза?

– Я шел на довольно большой скорости, когда неожиданно увидел перед собой лодку, на одной из полос, предназначенных для судоходства. Я резко свернул, чтобы избежать столкновения, но при этом ударил Билли. Ударил не в голову, иначе убил бы его. Но задел плечо. Я не ожидал увидеть, что он заплывет так далеко.

– А где в это время были дети?

– Играли на берегу, – уверенно ответил Чарлз.

«Странно, – подумала Тони. – Удивительно, что он заметил мальчиков с такого расстояния и после ужаса того, что случилось на воде».

– А Николас Хэндемейер был с ними?

– Думаю, да. Да. Там было семеро мальчиков, так что скорее всего да.

По залу пробежал изумленный шепот. Родители Николаса обменялись измученными взглядами. Старшая сестра Николаса, хорошенькая темноволосая девушка-подросток, сжала руку матери. Если Николас был жив и здоров в то время, трагедия, вероятно, произошла очень быстро. Более того, именно тогда, когда над Билли хлопотали санитары. Уничтожающее, бьющее наповал свидетельство.

– Так вы помните, что дети были в безопасности, пока сам Хэмлин не был покалечен вашим тендером?

– Да.

– Спасибо, мистер Бремар Мерфи. Больше вопросов нет.

Джефф Хэмлин, торжествуя, едва не выкинул кулак в воздух, но удержался. Добрый старый Лесли все-таки знал, что делает!

– Пара вопросов, мистер Бремар Мерфи. – Обвинитель встал. – Насколько я понимаю, вы и мисс Гилетти встречались во время указанных событий. Это так?

– Д-да… – недоуменно протянул Чарлз. Вопрос вряд ли казался уместным.

– Другие вожатые в Кэмп-Уильямсе свидетельствовали, что мисс Гилетти и Николаса Хэндемейера связывали особые отношения. Это верно?

– Все мальчики обожали Тони.

– Но особенно Николас Хэндемейер?

Чарлз еще сильнее нахмурился.

– Полагаю, так. Он писал ей короткие любовные стишки. Это казалось очень милым.

Тони так яростно вонзила ногти в бедро, что из ранок выступила кровь. Она не хотела думать о стихах Николаса, нацарапанных на клочках бумаги и подсунутых под дверь ее домика. Ее сердце может разбиться на тысячу осколков.

– Мистер Бремар Мерфи, вы считали Уильяма Хэмлина соперником в попытке снискать благосклонность мисс Гилетти?

– Прошу прощения?

– Вы тревожились, что мистер Хэмлин увлечен вашей девушкой?

– Это не совсем так.

– В самом деле? Вы знали, что они спали друг с другом?

По залу прошел неодобрительный шепот.

– Да, но это был одноразовый секс. И ничего не значил.

Билли бросил на Чарлза убийственный взгляд. Как смеет этот самодовольный ублюдок утверждать, что их отношения ничего не значат? Сжав кулаки, он был готов взорваться, но сумел взять себя в руки.

– Так вы не волновались? – продолжал прокурор.

– Нет.

– Даже после того, как Уильям Хэмлин угрожал вас убить?

Присяжные мгновенно оживились, словно пробудившись от глубокого сна. Тони выпрямилась. Билли с беспокойством глянул на отца.

– Несколько вожатых Кэмп-Уильямса заявили, что в ночь перед гибелью Николаса Хэндемейера Уильям Хэмлин на вечеринке публично провозгласил свою любовь к мисс Гилетти и угрожал «уничтожить» всякого, кто осмелится встать между ними. Разве в число этих всяких не входили вы?

– Билли не имел в виду ничего такого. Он был под кайфом.

– Именно.

Прокурор многозначительно промолчал.

– Да, суд уже это слышал. Но довожу до вашего сведения, мистер Бремар Мерфи, что мистер Хэмлин подразумевал именно это. Довожу до вашего сведения, что Уильям Хэмлин безумно, яростно ревновал ко всякому, кого любила мисс Гилетти. И что наркотики просто позволили дать волю ярости и одержимости, которые он в более трезвые моменты ухитрялся скрывать.

Лесли Луз запоздало встал.

– Протестую! Это всего лишь догадки!

Но судья лишь отмахнулся. Как и все остальные в зале, он жаждал понять, куда все это приведет.

– Протест отклонен.

– Довожу до вашего сведения, – продолжал обвинитель, – что безумная ревность мистера Хэмлина доходила до ненависти к маленькому мальчику.

Лицо Чарлза исказилось болью. И тут, к полному изумлению Тони, он кивнул:

– Это может быть правдой.

«Что?! Конечно, это неправда!»

– Билли мог ненавидеть Николаса? Именно мог! В затуманенном наркотиками мозгу параноика Николас Хэндемейер выглядел не невинным семилетним ребенком, верно? Он был угрозой. Совсем как вы.

– Может быть.

Чарли покачал головой, словно желая, чтобы все оказалось неправдой.

– Угрозой, от которой нужно избавиться, нейтрализовать, уничтожить.

– Надеюсь, что нет.

Чарлз вздрогнул, словно эта мысль ему в голову не приходила.

– Господи, надеюсь, что нет.

«Подонок, – подумала Тони. – Билли никогда бы не обидел Николаса, и Чарлз это знает. Пытается отомстить Билли за то, что клеился ко мне».

– Билли – хороший парень, – повернул Чарлз нож в ране. – Но в Кэмп-Уильямсе он был не на месте.

– В каком отношении?

– Да во всех. Социально, экономически, с точки зрения образованности. Если честно, мне его жаль. Нам всем жаль. Он не мог вынести того факта, что Тони выбрала меня, а не его.

Терпение Билли лопнуло.

– Лжец! – завопил он, вскакивая. Лицо побагровело от гнева, и вены на лбу и шее набухли так, словно могли взорваться. – Тони любит меня, и я люблю ее!

На присяжных это впечатления не произвело. Билли был похож на безумца: волосы всклокочены, руки дико жестикулируют, огонь одержимости Тони горит в глазах. Тони едва не расплакалась. Чарлз спровоцировал Билли. А тот попал в ловушку. Хуже того, и его адвокат тоже.

– И это без наркотиков в крови, – вполголоса заметил прокурор, совершенно точно озвучив мысли присяжных. – Спасибо, мистер Бремар Мерфи. Больше вопросов не имею.

Следующие два дня были посвящены обсуждению личности Билли.

Лесли Луз собрал различных свидетелей прошлой жизни Билли, чтобы они дали показания о прекрасном и добром характере молодого человека. Здесь были учителя, тренеры, соседи. Все в один голос утверждали, что тот Билли Хэмлин, которого они знали, и мухи не обидит.

Джефф Хэмлин тоже порывался дать показания. Но Луз не позволил:

– Вы слишком эмоциональны. Это не поможет.

– Тогда пусть Билли сам выступит. Ему нужна возможность показать людям, каков он на самом деле.

Таким был первоначальный план. Потому что главное секретное оружие Билли – его природное обаяние и скромность были способны привлекать сердца и умы. Но после показаний Чарлза этот корабль утонул, даже не подняв паруса.

– Чем меньше Билли скажет, тем лучше, – постановил Лесли. – Отныне мы сосредоточимся на фактах.

Факты все еще говорили в пользу Билли.

Пренебрег ли он своими обязанностями, когда не уследил за семилетним мальчиком на пляже? Да.

Был ли он виновен в том, что употреблял наркотики и алкоголь во время работы лагерным вожатым, когда нес ответственность за маленьких детей?

Конечно, виновен.

Но убивал ли Уильям Хэмлин Николаса Хэндемейера? Погиб ли мальчик по его воле? Невзирая на его несчастный взрыв ревнивой ярости, у обвинения не было доказательств умысла на убийство. Не было даже сколько-нибудь веского свидетельства.

Лесли Луз закончил свою защитительную речь:

– Билли Хэмлин не убийца. И не чудовище. Обычный юноша. И любящий сын. Не позвольте одной семейной трагедии стать трагедией двух семей.

Садясь, он почувствовал взгляд сенатора Хэндемейера и зябко поежился, мысленно взмолившись, чтобы, кроме взгляда, никаких больше кар не последовало.

Судебное заседание на сегодня закончилось. У двери суда Уолтер Гилетти говорил со своим адвокатом:

– Ну что вы думаете?

– Оправдательный приговор. Без вопросов. Конечно, он не помог себе этим взрывом, но обвинение ничего не доказало.

Тони, стоявшая в нескольких футах, с облегчением вздохнула. Адвокат отца был лучшим, какого можно купить за деньги. Завтра Билли будет свободным человеком. Конечно, когда он выйдет, ей придется поговорить с ним обо всем этом брачном вздоре. Тони нравился Билли, она многим ему обязана, но замужество в ее списке точно не значилось. Однако это не самые страшные проблемы.

Отец все еще говорил с адвокатом.

– Хорошо! – властно воскликнул он. – Если все в порядке, я хотел бы сегодня уехать. Чем быстрее мы уберемся отсюда, тем лучше.

– Я не могу уехать, па, – выпалила Тони. – Нужно выслушать приговор. Билли я необходима.

Уолтер Гилетти повернулся к дочери с видом готовой напасть кобры.

– Плевать мне на то, что необходимо Билли Хэмлину! Мы поедем, когда я прикажу! – прорычал он.

Но семья Гилетти все же провела ночь в Алфреде.

Поразмыслив, Уолтер Гилетти решил, что их отъезд навредит бизнесу.

Глава 7

Судья Девон Уильямс занял свое место, обозревая море лиц в зале. Крупный мужчина лет семидесяти с белой, аккуратно подстриженной бородкой и таким же седым кольцом волос вокруг тонзуроподобной лысины, судья вел немало сложных процессов. Воровство, грабежи, поджоги, убийства. Но немногие были столь душераздирающими, как этот. И такими бесполезными.

Смерть Николаса была трагедией. Но судья понимал, что никакого убийства не было. Это дело – прекрасный пример того, как общая истерия и ярость, подогреваемые скорбью одной семьи, берут верх над здравым смыслом. Сенатор желает, чтобы покатились головы, особенно голова мальчишки Хэмлина, и будь проклята правда! Однако, как только эмоции поутихнут, останется главное: закон. И закон ясно гласит: если Билли Хэмлин виновен в убийстве, значит судья Девон Уильямс – дядюшка обезьяны.

Конечно, закон нельзя воспринимать абстрактно. Его должны как-то истолковать двенадцать мужчин и женщин в жюри присяжных.

Судья наблюдал, как они входят в зал. Обычные люди: десять белых, двое черных, в большинстве своем среднего возраста, преимущественно грузные. Воплощение великого американского народа. И все же сегодня на плечи этих ординарных людей легла тяжкая ответственность.

Обычно судья обожал предсказывать, каким будет вердикт присяжных. Как тот или иной присяжный отреагирует на то или это доказательство. Эмоционально или рационально? Чьи предрассудки или личность будут главными в этот день? Но когда он вызвал председателя и попросил зачитать приговор, в нем не оставалось ни волнения, ни напряжения. Только грусть.

Маленький мальчик погиб. Ничто его не вернет. И теперь этот поучительный спектакль, именуемый судебным процессом, дело, которое не должно было дойти до суда, должен вот-вот закончиться. Очевидно, какой стороной должна упасть монета.

– Вы вынесли вердикт?

– Да, ваша честь.

Рут Хэндемейер стиснула руку дочери. Она была так напряжена, что едва дышала. Рядом сидел муж, и она остро ощущала гнев и ненависть, змеями свернувшиеся в ней. После смерти Нико они стали чужими, разделенными океаном скорби.

Девочка зажмурилась.

– Что бы ни случилось, мамочка, мы всегда будем его любить.

Рут подавила рыдание.

Джефф глянул вправо. Лесли Луз ободряюще улыбнулся.

«Все будет в порядке», – в сотый раз сказал себе Джефф. Он винил себя в том, что вообще послал Билли в Кэмп-Уильямс. Как он был глуп, считая, что у сына появятся связи и это поможет ему продвинуться в жизни! Когда дела плохи, богатые и образованные держатся вместе. Старая миссис Крамер, семья Гилетти, даже Хэндемейеры – все одного поля ягоды, ищут жертвенного ягненка, чтобы отомстить за смерть малыша. И кто для этого подходит лучше, чем сын плотника?

«Билли сидит на скамье подсудимых, потому что он не один из них».

А Билли со скамьи подсудимых смотрел на Тони глазами, полными любви.

Сегодня вечером он будет свободен.

Сегодня вечером все начнется сначала.

В желудке Тони горело. Она чувствовала себя такой виноватой после всего, что Билли для нее сделал, но от его взгляда становилось все страшнее.

«Нужно сразу же поговорить с ним. Я не могу позволить ему уехать с мыслью о том, что у нас есть общее будущее».

Все, что Тони когда-то находила привлекательным и волнующим в Билли, умерло вместе с бедным Николасом Хэндемейером. Отныне для нее Билли всегда будет ассоциироваться с Ники. С тоской и ужасом. С кровью и водой. Со смертью.

И возврата к прошлому не будет.

Мощный баритон судьи Девона Уильямса ножом рассек напряжение в комнате.

– Виновен ли ответчик в непредумышленном убийстве?

Билли закрыл глаза. Наконец-то!

– Виновен.

Глава 8

Тони бежала по коридору, ускоряя шаг. Отец орал ей вслед, приказывая вернуться, но она не слушала.

«Я должна видеть Билли. Должна попросить прощения». Как случилось, что присяжные сочли его виновным? Невозможно, абсурдно! Очевидно, судья тоже так думал. Это было видно по глазам, когда он выносил приговор: двадцать лет с возможностью условно-досрочного освобождения через пятнадцать, минимум, допускаемый для непредумышленного убийства. Но все же – целая жизнь.

– Простите, мисс.

Дорогу ей преградил судебный пристав.

– Только представители закона.

– Но ему нужно видеть меня!

– Черта с два!

Прежде чем Тони сообразила, что происходит, отец Билли схватил ее за плечи и отшвырнул к стене с такой силой, что она задохнулась.

– Это ведь ты, верно? Это была ты! Позволила моему мальчику взять на себя вину, богатая, избалованная сучонка!

– Убери руки от моей дочери!

Впервые в жизни Тони была рада видеть отца. Уолтер Гилетти не отличался физической силой, но излучал властность.

– Понимаю, что вы расстроены, – сказал он Джеффу. – Но Тони не имеет с этим ничего общего.

– Как же, не имеет. – Джефф со слезами на глазах отступил. – Дерьмо вашей дочери не воняет. Билли дали двадцать лет. Двадцать лет!

– Если будет держать нос по ветру, а руки чистыми – выйдет через пятнадцать, – пожал плечами Гилетти.

Небрежный ответ богача оказался последней каплей. Джефф с оглушительным ревом бросился на Уолтера, слепо размахивая кулаками. Полицейский тщетно пытался разнять мужчин. Тони, воспользовавшись шансом, сбежала вниз, где находилась камера для осужденных, но другой коп мгновенно схватил ее.

– Какого черта вы тут вытворяете, юная леди? Нельзя врываться сюда без разрешения.

– Все в порядке, Фрэнк. Мальчишка просил привести ее.

Бледный и серьезный Лесли Луз возник словно из ниоткуда. Очевидно, приговор потряс и его.

Коп неохотно отступил.

– Спасибо, – сказала Тони адвокату.

– Пожалуйста, это все, что я могу сделать.

– Вы ни в чем не виноваты.

– Да, – тихо ответил Луз.

Стоило войти Тони, как Билли просиял:

– Слава Богу! Я думал, тебе не позволят прийти.

Она здесь. Его Тони. Его Елена Троянская. В простом платье-рубашке из кремового шелка до колен, в туфлях на средних каблучках рюмочкой и кашемировом кардигане она выглядела старше, чем он помнил. Костюм словно кричал о дороговизне (она была богатой) и скромности (а вот этого определенно не было). Но ничто не могло скрыть животной чувственности тела под платьем.

Билли шагнул к ней, притянутый, как магнит к куску металла или беспомощный мотылек – к огню.

– Привет.

Тони обняла его, прижала к себе, и горячие виноватые слезы упали на его воротничок и потекли по шее.

– Мне так жаль, Билли. Прости.

– За что? – Билли выдавил улыбку, полный решимости быть храбрым в ее присутствии. – Это мое решение. Не твое. И случись это во второй раз, я поступил бы точно так же.

– Но, Билли! Двадцать лет!

– Пятнадцать, – поправил он. – При условно-досрочном.

– Но ты ничего плохого не сделал.

– И ты тоже.

– Билли, брось! Я сделала. И ты это знаешь. Мы оба знаем. Николас был в моей группе.

– Это был несчастный случай. Несчастный случай, и никогда этого не забывай.

Вдыхая запах ее кожи, смешанный с легким лимонным ароматом духов, он изнемогал от желания к ней. Несмотря на показную храбрость, он боялся. Боялся тюрьмы, будущего без нее.

Он в отчаянии притянул ее к себе, страстно целуя, силой вталкивая язык ей в рот, как голодный цыпленок в поисках еды.

Тони чуть не стошнило. От него пахло страхом.

– Брось, – повторила она, пытаясь отделаться шуткой. – Сейчас не время.

– Думаю, ты понимаешь, что другого у нас не будет. Через минуту меня увезут.

– Ты знаешь куда?

– В тюрьму штата, по крайней мере пока. В Уоррене, кто его знает, где это, – невесело рассмеялся Билли. – Адвокат обещает постараться перевести меня: слишком далеко от того места, где живет отец. Он не сможет часто меня навещать.

– Конечно, – кивнула Тони.

Если бы ей пришлось идти в тюрьму вместо Билли, потрудился бы отец ее навестить? Сомнительно.

Но она пришла сюда не для того, чтобы говорить об их отцах. Нужно сказать Билли правду. Однако, учитывая обстоятельства, она не знала, с чего начать.

– Послушай, Билли, – нервно пробормотала она, – я стольким тебе обязана, что не знаю, что сказать.

– Как насчет «да»?

Он снова смотрит глазами влюбленного щенка. Словно это фильм или пьеса, и в любую минуту они могут уйти за кулисы и вернуться к реальности. И Николас будет жив, а Билли не отправится в тюрьму, и все будут жить долго и счастливо.

– О Иисусе!

Сердце Тони упало.

«Он становится на колено?»

– Скажи, что выйдешь за меня, Тони. Скажи, что подождешь.

Тони открыла рот, чтобы заговорить, но он ее перебил.

– Знаю, о чем ты думаешь, но скорее всего я и пятнадцати лет не отсижу. Лесли собирается подать апелляцию. Мы можем даже добиться отмены приговора.

– На каком основании?

– Понятия не имею.

Впервые со дня гибели Николаса Тони увидела, как маска бравады и мужественности словно растворилась. Глядя в его глаза, она видела испуганного ребенка, дрожащего от ужаса, одинокого, потерявшего самообладание. Как она сама.

– Но Лесли говорит, что это возможно и я могу выйти на свободу через пару лет. Тогда мы поженимся, и все такое…

Он вдруг замолчал. Неужели понял по ее лицу, как она перепугана?

Тони запоздало попыталась сыграть роль преданной подруги. Если Билли необходимо держаться за какую-то фантазию, за что-то, что поможет ему вынести кошмар тюремной жизни, разве она не обязана сделать для него хотя бы это?

– Пожалуйста, Тони…

Тоска в его глазах была невыносимой.

– Пожалуйста, скажи «да».

Прежде чем она успела сдержаться, слова сами слетели с языка:

– Да, то есть, конечно! Конечно да! Я не ожидала предложения прямо сейчас, вот и все. Но разумеется, я буду твоей женой, Билли.

– Как только я выйду?

– Как только ты выйдешь.

Билли разразился прерывистыми всхлипами:

– Я так тебя люблю!

Он рывком притянул ее к себе и прижал к груди, как ребенок – плюшевого мишку.

В камеру вошли конвоиры.

– Пора идти.

– Я знаю, это безумие, – прошептал Билли ей на ухо, – но честное слово, это самый счастливый день в моей жизни. Спасибо тебе.

– Мой тоже, – заверила Тони. – Будь сильным, – добавила она, когда его уводили.

Тони подождала, пока за ними закроется дверь камеры, рухнула на стул и зарыдала.

Она точно знала, что больше никогда не увидит Билли.

Три дня спустя Лесли Луз вылетел в Вашингтон. Прибыл на охраняемую подземную парковку в назначенное время, четверть десятого вечера. Он почти был уверен, что клиент пришлет курьера, кого-то анонимного, чтобы завершить сделку. Вместо этого, к некоторому удивлению адвоката, клиент приехал сам. Он был важной персоной, и в его присутствии сам Лесли почувствовал себя кем-то значительным.

– Двести тысяч. Как договаривались. – Опустив тонированное стекло своего «линкольн-таун-кар», он вручил Лесли пухлый конверт. – Вы прекрасно все провели.

– Я знал, что делаю. Главное, разбираться в характерах присяжных и свидетелей. Скажем так: я прекрасно разобрался в своих.

– По-видимому, так. Я был уверен, что они его оправдают. Но вам все удалось.

Лесли улыбнулся, жадно сжимая конверт пальцами-сосисками.

– Вам следовало больше мне верить, сенатор.

Сенатор Хэндемейер улыбнулся:

– Возможно и так, мистер Луз. Возможно и так.

Адвокат Билли Хэмлина смотрел в темноте вслед отъезжавшему «линкольну».

Часть 2

Глава 9

Оксфордшир, Англия, наше время

– О, Майкл! О, Майкл. Я люблю тебя! Так люблю! Пожалуйста, не останавливайся!

Даже сейчас, в крайне неудобном положении на заднем сиденье своего кабриолета «MG», Майкл де Вир задался вопросом: почему женщины это говорят? «Не останавливайся». Кто бы мог остановиться в такой момент? Хотя некоторые мужчины, вероятно, еще не на то способны, иначе девушки не трудились бы повторять это раз за разом, верно?

Майкл отвлекся, и потому эрекция начала слабеть. Но, раз начав, остановиться он не мог. Что, по мнению Ленки, его последнего завоевания, он намерен делать? Достать «Рейсинг пост» и изучать победителей бегов и скачек здесь, в Уинкэнтоне, в четыре пятнадцать дня?

А если он собирался это сделать, можно подумать, ее вопли «не останавливайся!» может заставить его передумать?

– Ты остановился, – укоризненно пробормотала Ленка.

– Помедлил, дорогая. Я помедлил.

Четыре пятнадцать роскошного майского дня, и Майкл де Вир опаздывал. Ему следовало отвезти Ленку на вокзал Дидкота еще час назад. Но солнце и цветы, усыпавшие живую изгородь, Ленка в невероятно короткой мини-юбке от Марка Джейкобса, открывавшей гладкие загорелые бедра… так что одно вело к другому, вернее, почти привело.

– Я тебя не привлекаю? – надулась Ленка.

– Дорогая, конечно же привлекаешь!

– Просто ты меня не любишь.

Майкл вздохнул. Похоже, он не сумеет возобновить игру. Подтянув джинсы, он завел мотор.

– Ленка, ты ангел, и сама это знаешь. Но если я опоздаю на ужин к матери, она подаст мои хорошо прожаренные яйца вместо пудинга. Боюсь, именно это меня расхолаживает.

Девушка ответила злобным взглядом.

– Врешь! Ты стыдишься меня, в этом и проблема! Стесняешься познакомить с матерью!

– Вздор, дорогая, – солгал Майкл, оценивающе разглядывая почти полностью открывавшую трусики юбку Ленки и огромные силиконовые груди, весело подпрыгивающие под невероятно коротеньким и узким топом. – Матушка будет просто обожать тебя.

«Да, у нас дома ты будешь так же кстати, как сибирская язва или Че Гевара».

– Я всего лишь считаю, что сегодня неподходящий момент, чтобы вас знакомить.

Через десять минут, помахав Ленке с платформы, Майкл с облегчением вздохнул и удалил номер ее телефона из мобильника.

«Сексуальна, но слишком дорого обходится».

У Майкла и без того стресс был немалый, особенно потому что о назначении матери объявили как раз на той неделе, когда он решил уйти из Оксфорда. Не просто решил, но фактически сделал это. Сегодня утром он ходил к куратору, подписал все нужные бумаги и покинул свои роскошные комнаты, чтобы никогда не возвращаться. Он собирался объявить родителям «счастливую новость» за сегодняшним ужином. Обоих, естественно, хватит удар, не в последнюю очередь потому, что в газетах вот-вот появятся статьи с заголовком, вроде: «Сын мини-

стра внутренних дел бежит из Баллиол-колледжа, чтобы стать профессиональным аниматором на вечеринках». «Дейли мейл» всегда употребляла слова вроде «бежать». Ну и гады же!

Майклу было не по себе из-за неминуемого появления в прессе сообщений подобного рода. Но что поделать? В прошлом году он вместе со своим приятелем Томми Лайоном основал компанию по проведению деловых и развлекательных мероприятий, и дело пошло. Будущее казалось светлым. И Майкл просто чуял успех. У него нет времени валять дурака и анализировать творчество Т.С. Эллиота.

Как ни странно, гнев матери – ничто по сравнению с тем, что скажет отец. Тедди сам оканчивал Баллиол, как его отец, дед и прадед.

В глазах родителя не было худшего преступления, разве что сын объявит, что осквернил могилу бабушки, или что он гей, или (что совершенно невообразимо) вступил в ряды лейбористов.

И все же сегодняшний ужин будет достаточно неприятным даже без выходок Ленки. Единственная светлая надежда во всей истории – присутствие Рокси. Сестра поддержит Майкла.

– Последняя карта.

Тедди картинно бросил на стол девятку треф. Его невезение в любой игре стало предметом семейных шуток. Он никогда не выигрывал ни в карты, ни в монополию или шарады, ни во что. Проигрывал он неизменно и обычно устраивал из этого целый спектакль. Главный финансовый директор успешного хедж-фонда в Сити и всеми уважаемый историк, выпускник Оксфорда, Тедди де Вир, был отнюдь не глуп. Но дома прекрасно разыгрывал дурака, наслаждаясь ролью объекта семейных шуток, чего-то вроде дрессированного циркового медведя.

Его дочь Рокси, как обычно, из кожи вон лезла, чтобы предоставить ему преимущество в игре в карты. Впервые в жизни Тедди, похоже, честно выигрывал.

– Прекрасно, па, – ободряюще улыбнулась Рокси. – Теперь тебе нужна еще двойка.

Она осторожно положила двойку треф на девятку Тедди.

Тот нахмурился:

– Хммм… у меня нет двойки, верно?

– Тогда ты должен забрать двойку.

– Пропади она пропадом.

– Последняя карта.

– Нет, погоди…

Рокси выложила валета треф и торжествующе улыбнулась:

– Я выиграла.

Лицо Тедди выражало такое возмущение, что Рокси невольно рассмеялась.

– О, дорогой па, это такая чепуха! В следующий раз, может, и выиграешь.

Отец и дочь сидели в библиотеке Кингсмира, фамильного дома де Виров в Северном Оксфордшире. После «несчастного случая» с Рокси ее спальню перенесли на первый этаж, а старый кабинет Тедди перестроили в ванную. В результате гостиная теперь была на втором этаже, и ее окна выходили на олений парк. Но библиотека, уютная комната с красными панелями и темными диванами «честерфилд», охотничьими сценами на стенах и корзинками для собак, стоявшими у вечно горящего огня, оставалась такой, какой была всегда. Рокси любила комнату именно за это. За неизменность. И еще больше любила, когда здесь сидел отец.

– Как насчет славного сухого хереса перед ужином?

Тедди развалился на стуле и вытянул ноги. Хоть гром греми, а он независимо от времени года надевал старые темно-фиолетовые вельветовые штаны. И Рокси очень ценила этот ритуал, утешительное постоянство в унылом изменчивом мире.

– Твоя мать вот-вот будет дома.

Рокси не нуждалась в напоминаниях. Развернув инвалидную коляску, она подъехала к бару. Рокси редко пила перед ужином, но сегодня сделала исключение. Налив светло-янтарной мансанильи в два стакана вместо одного, она тихо вздохнула. Сегодня матушка будет невыносимой и начнет пыжиться после своей великой победы.

«Министр внутренних дел». Слова застряли в горле Рокси.

Как матери это удалось? Почему окружающие в отличие от Рокси не видят ее насквозь? Сегодня мать будет звездой собственного шоу, самодовольная и невыносимая. Впрочем, как обычно.

Давным-давно, было время, когда Роксанна де Вир любила мать. Да, Алексия была амбициозной, самодовольной и в отличие от других матерей холодной и отчужденной. Но все же Рокси помнила счастливые времена. Длинные летние месяцы, проведенные вместе на пляже в Мартас-Вайнъярд, пикники, ленчи и игры в фей и эльфов. Рождественские праздники в Кингсмире, когда Алексия высоко поднимала Рокси, чтобы та повесила на елку уродливые яркие самодельные украшения. Помнила гонки на тачках в саду и, как ни странно – потому что кухарка из Алексии была никакая, – мать, варившую джем из ежевики.

Но когда Рокси стала подростком, все изменилось. Мать и дочь постоянно скандалили на любые темы: от политики до музыки, от моды до религии, от того, какие книги читать, до цвета волос Рокси. На посторонний взгляд все это казалось трудностями переходного возраста, но со временем Рокси стала чувствовать более глубокий разрыв, нечто более тревожащее.

Алексия, считавшаяся в юности красавицей, казалось, завидовала внешности дочери. Рокси не могла точно понять, в чем дело, – она все сильнее улавливала неприязнь матери. Ощущала ее взгляд, когда выходила из бассейна в бикини, взгляд, горевший не восхищением, а осуждением, едкой кислотой ненависти, обжигавшей кожу Рокси. Когда она начала приводить домой мальчиков, положение еще более ухудшилось. Алексия из кожи вон лезла, чтобы унизить ее, высмеять во время семейных обедов, или завладевала беседой и делала все возможное, оставаясь центром внимания, неизменно великой Алексией де Вир. Мать придирчиво допрашивала приятелей Рокси, желая узнать все, от происхождения до карьерных устремлений. Господи, каким снобом она была! Для нее никто не был достаточно хорош!

А вот отец Рокси крайне снисходительно относился к знакомым молодым людям дочери, что, естественно, доводило Алексию до бешенства.

– Неужели не можешь ей сказать, Тедди? – кричала она. – Ты ведь ее не одобряешь! Почему я вечно должна быть злым копом?

Но Тедди решительно отказывался вмешиваться и делал все возможное, чтобы сохранить мир в семье.

До той минуты, пока Роксанна де Вир не встретила Эндрю Бизли и все изменилось.

Эндрю Бизли наняли в качестве теннисного тренера Рокси.

Он стал любовью ее жизни.

Рокси любила Эндрю глубоко и страстно, но мать твердо вознамерилась уничтожить ее счастье. Объявив Эндрю недостойным охотником за приданым, Алексия безжалостно его изгнала. Тедди, любящий, но слабый, не смог противостоять решительно настроенной жене. Когда Эндрю вернулся в Австралию, сердце Рокси разбилось. Она в отчаянии выпрыгнула из окна своей спальни в Кингсмире. До земли было шестьдесят футов – верный способ умереть. Но горчайшая ирония заключалась в том, что она выжила, оказавшись на всю жизнь прикованной к инвалидному креслу и обреченной во всем зависеть от родителей. Теперь ей никогда не избавиться от опеки матери, она навсегда останется калекой под крышей Алексии.

Теперь матери было нечему завидовать. Алексия по-прежнему оставалась первой красавицей семьи.

О трагедии Рокси никогда не говорили открыто, в основном потому что Тедди не мог этого вынести. Тедди, принадлежавший к другому, старшему поколению, скрывал глубокую скорбь, предпочитая зажмуриться, чем увидеть резкий свет правды.

Рокси могла жить с этим. Она любила отца. Но не могла внутренне мириться с тем фактом, что ее мать так и не была наказана за случившееся – не страдала, как следовало бы. Алексия по-прежнему счастлива замужем, успешна профессионально, славится красотой и умом, а после падения Рокси – еще и стойкостью в беде. Любые поступки должны иметь последствия. Но вместо страданий Алексия получила еще больше лавров. Ее внезапное назначение было последним в долгой цепочке незаслуженных почестей. Рокси не могла думать об этом.

– За твое здоровье.

Она мрачно чокнулась с Тедди.

– И за твое, дорогая. Я знаю, тебе неприятен сегодняшний вечер. Но ради меня постарайся быть повежливее с матерью. Такое назначение – большое дело.

– Конечно, папочка.

«Мамин триумф – всегда большое дело».

Гилберт Дрейк упал на колени в переднем ряду скамей крошечной деревенской церкви и перекрестился. Несмотря на правоту своего дела, он боялся. Как он, жалкий ничтожный таксист, сможет вершить справедливую месть над самой влиятельной женщиной Англии? Он молил Бога дать ему мужество и вспомнил стих из Второзакония: «Будь тверд и мужествен, и приступай к делу, не бойся и не ужасайся, ибо Господь, Бог, Бог, Бог мой с тобою»…

Санджая Патела предали и оставили друзья, суд, но страшнее всех была злобная дьяволица Алексия де Вир.

Гилберт Дрейк молился, пока не стемнело. Потом застегнул свою куртку с капюшоном и вышел в ночь.

– От всего сердца благодарим тебя, Господи, за пищу, нам данную. Аминь.

Алексия молча слушала молитву мужа.

Когда они только поженились, страсть Тедди к этому ритуалу ужасно раздражала Алексию. Никто в семье не был особенно религиозен, так зачем это напыщенное лицемерное благочестие? Но со временем Алексия, как и Рокси, приучилась находить утешение в неизменных чудачествах Тедди. Когда в ее жизни бушевали бури, муж становился опорой, скалой, истинно надежным столпом, на котором можно утверждаться. Очень немногим политикам так повезло.

– Что же, – благосклонно улыбнулась Алексия, – все это чудесно выглядит. Анна, как всегда, превзошла себя.

– Как и ты, дорогая.

Перегнувшись через соблазнительный ростбиф, нарезанный тонкими ломтиками, салат из помидоров с базиликом и домашний хлеб, Тедди гордо поцеловал жену в щеку.

– Министр внутренних дел! Господи, полагаю, это означает, что мы будем видеть тебя еще реже.

– Будем надеяться, – пробормотала Рокси себе под нос.

– Знаешь, дорогая, коричневое не твой цвет, – отпарировала Алексия, оглядывая унылое платье из «Некст». Никто не испортит ее торжества. Особенно избалованная, эгоцентричная дочь. – В нем ты еще больше, чем обычно, выглядишь дождливым уик-эндом. Попробуй в следующий раз что-то поярче. Возможно, хоть немного похорошеешь. Видит Бог, ты в этом нуждаешься.

Рокси вспыхнула от стыда и гнева, но промолчала.

Спеша избежать дальнейших ссор, Майкл поднял бокал:

– Поздравляю, министр внутренних дел! – воскликнул он и положил на тарелку гору говядины. Нельзя сообщать дурные новости на пустой желудок.

– Спасибо, дорогой, – просияла Алексия. – Ты такой милый!

– Ты удивилась, когда получила назначение? Все случилось так неожиданно!

– Вздор! – преданно заявил Тедди. – Твоя мать была самой лучшей кандидатурой. Вспомни, каким безупречным министром тюрем она была!

– Ты просто чудо, дорогой, но Майкл прав. Это было полным потрясением. Конечно, мы с премьером в прекрасных отношениях…

– Да-да, и ты это говорила тысячу раз, – прошипела Рокси, заработав два молящих взгляда: отца и брата.

– Но я никогда не ожидала такого удивительного повышения, – как ни в чем не бывало продолжала Алексия. – И вряд ли кто-то еще ожидал. Должна сказать, что это взъерошило немало перьев, но почему быть занудой и все делать по правилам? Приходится хватать возможности, предложенные жизнью. Брать быка за рога, и все такое. И конечно, если я могу послужить стране, тем лучше.

Чаша терпения Рокси переполнилась. Она обещала отцу, но тут… «Послужить стране?»

– О, пожалуйста, мать! Имей порядочность признать, что дело вовсе не в служении. Амбиции помогли тебе получить место. Личные амбиции. Мы не журналисты, мы – твоя семья. И не стоит нам лгать только потому, что лжешь всем остальным!

– Рокси, милая, успокойся, – укоризненно покачал головой Тедди.

В груди Алексии сжался знакомый ком гнева. «Успокойся?» Неужели Тедди нечего больше сказать? Почему он никогда не защитит ее как полагается? Почему вечно угождает комплексу жертвы Рокси, постоянно ходит на цыпочках, когда бывает в ее обществе? Девчонка использует проклятое кресло как оружие, и Алексии это до смерти надоело.

– Кстати, о возможностях, быках и рогах и… тому подобном, – робко начал Майкл. – У меня новости.

– Только не говори, что наконец нашел славную девушку и решил жениться, – поддразнил Тедди. – Я думал, мы договорились. Никаких свадеб, пока не окончишь Оксфорд.

– Не волнуйся. Никаких свадеб. По крайней мере таких, где я буду выступать в роли жениха. Но… у меня другие новости. Я окончил Оксфорд.

Полное молчание. Атмосфера сгустилась настолько, что ее можно было резать ножом. Первой заговорила Алексия.

– Может, пояснишь, что это значит? Ты не так давно начал.

Майкл жалобно уставился на мать.

– Университет не для меня, ма. Правда.

– Не для тебя? Но почему?

– Честно? Мне до смерти скучно.

– Скучно?! – взорвался Тедди. – В Баллиоле? Что за бред.

– Помните «Кингсмир ивентс», компанию, которую мы с Томми открыли в прошлом году? – бросился вперед Майкл очертя голову.

Томми Лайон был лучшим другом Майкла. Мальчики встретились в подготовительной школе и с тех пор не расставались.

– Не слишком.

– Помните! Мы устроили тридцатилетний юбилей для того русского парня на яхте в Сен-Тропезе прошлым летом!

– Смутно.

Алексия глянула на Тедди. Обычно жизнерадостное лицо мужа сейчас походило на грозовую тучу.

– Так или иначе, мы заработали двадцать пять штук чистой прибыли. На двоих! – гордо воскликнул Майкл. – И с тех пор у нас было много заказов – корпоративы, бар-мицва[4].

Этого Тедди уже не вынес.

– Бар-мицва! – завопил он. – Ради всего святого! Ты де Вир и на полпути к получению диплома адвоката в Оксфорде! Неужели всерьез ожидаешь, что я и твоя мать согласимся, чтобы ты выкинул все это на ветер и заказывал клоунов и воздушные шары для тринадцатилетних еврейских мальчишек из Голд ере чертовых Грин![5]

– Клиенты – их родители, – рассудительно втолковывал Майкл. – И не стоит презирать Голдерс-Грин. Некоторые еврейские мамаши тратят до полумиллиона на большой праздник маленького Самуила.

– Полмиллиона? Фунтов?

Даже Тедди поразила такая цифра.

– Подумай о возможностях, па!

Веселые серые глаза Майкла зажглись:

– Мы с Томми можем получить чистыми восемьдесят – сто тысяч штук за ночь!

– Да. А с дипломом Баллиола и моими, и материнскими связями через несколько лет можешь зарабатывать в Сити десятки миллионов. Прости, Майкл. Но так не пойдет.

– Прости, па, но не тебе решать. Я официально ушел из колледжа сегодня утром. Отдал свои ключи, и все такое.

– Что-о-о-о?

Вопли Тедди разносились по всему дому до самой привратницкой. Рокси попыталась вмешаться, и скоро все трое орали друг на друга, как разъяренные члены парламента во время «Часа вопросов» премьер-министру.

Алексия прикрыла глаза. Сначала чертова Рокси снова завела ту же волынку, а потом Майкл бросил эту бомбу. Вот тебе и праздничный ужин!

Она облегченно вздохнула, когда Бейли, их дворецкий, тронул ее за плечо.

– Простите, что прерываю ваш обед, мадам. Но кое-кто у ворот хочет вас видеть.

Алексия взглянула на часы «Картье», прошлогодний подарок мужа на годовщину свадьбы. Начало десятого.

– Довольно поздно для визитов. Кто это?

– В том-то и дело. Не хотят назваться и ведут себя… как-то неестественно. Дженнингс не знал, что делать.

Алексия отложила салфетку.

– Хорошо, я сейчас приду.

Алфред Дженнингс почти сорок лет служил привратником в Кингсмире. Семидесятилетний глуховатый сердечник, он вряд ли годился в охранники. Майкл однажды сказал, что Дженнингс свиреп, как новорожденный котенок, фраза, которая, по мнению Алексии, идеально описывала Дженнингса. К сожалению, теперь, когда она стала министром внутренних дел, безопасность больше не была предметом шуток. На нелегкой должности министра тюрем она заработала себе немало врагов, некоторые были потенциально опасны, остальные – просто психи. Санджай Пател, индиец, заключенный «Уормвуд-Скрабе», покончивший с собой, когда ему накинули срок, имел особенно горластую и неприятную группу поддержки. Алексию не так легко было запугать, но она не могла позволить себе быть галантной с нежданными гостями.

Привратницкая Кингсмира состояла из офиса-гостиной внизу и одной спальни с ванной наверху. Дженнингс постарался навести уют, и электрический камин постоянно горел.

---

[4] Религиозный обряд у евреев, знаменующий переход мальчика тринадцати лет во взрослую жизнь.

[5] В районе Лондона Голдерс-Грин традиционно селились евреи и находится еврейское кладбище.

– Простите, что побеспокоил вас, мэм, – прохрипел он, когда вошла Алексия. – Особенно во время ужина. Парень уже ушел.

– И прекрасно, Альфред, лучше перестраховаться, чем потом жалеть. Кстати, камеры были включены?

– О да, мэм.

Старик закашлялся, довольный, что хоть что-то сделал как надо.

– Последнее время они постоянно включены. Мистер де Вир на этом настаивал. «Включите эти камеры, мистер Дженнингс», – твердил он. Я так и сделал.

– Превосходно! Можно мне взглянуть на пленку?

Ужин закончился. Тедди вылетел из комнаты, а Майкл и Рокси заваривали чай на кухне.

– Ну, думаю, все прошло неплохо, – заметил Майкл. – Папа был, как всегда, спокоен и рассудителен.

– А чего ты ожидал? – упрекнула Рокси, очень любившая брата. Все любили Майкла с его обаянием непослушного озорного малыша, теплым чувством юмора. Да и как его не любить? Но ей было больно видеть отца таким расстроенным.

– Ты знаешь, как много Баллиол значит для папы!

– Да, но ведь не папе там учиться, а мне!

– Осталось всего два года!

– Знаю, Рокс, но мне там чертовски надоело. Я не книжный червь и терпеть не могу библиотеки и лекции.

Майкл обмяк на стуле, обхватив голову руками.

– Да неужели! Вот бы не подумала!

Рокси саркастически подняла брови:

– Ха-ха! Я серьезно! Этот бизнес вместе с Тони… думаю, мы сможем его поднять. Па ведь тоже предприниматель!

– Вряд ли.

– По крайней мере бизнесмен. Должен же он хоть отчасти меня понимать!

– Не то что он не понимает, просто не хочет, чтобы ты наделал ошибок.

– Я не наделаю. Мама сразу все усекла. Хотя пресса непременно устроит скандал, она понимает, что я должен найти свой путь.

– Алексия воображает, что солнце всегда сияло из ее задницы, – холодно процедила Рокси. – И будет поддерживать тебя, даже если соберешься отправиться в тренировочный лагерь Мусульманского Братства в горах Кашмира.

Майкл нахмурился. Он терпеть не мог, когда сестра называла мать по имени. Отчуждение между ними было достаточно очевидно, но эта маленькая деталь еще сильнее его подчеркивала.

– Она любит нас обоих, Рокс.

Рокси закатила глаза:

– Что ж, она выказывает эту любовь весьма оригинальным способом.

Тедди нашел Алексию в кабинете. Сидя за столом, на котором стоял пустой бокал, она уставилась в пространство, бесконечно вертя на пальце обручальное кольцо.

– Ты в порядке?

– Что? А, да. В полном, – ответила она с вымученной улыбкой. Как всегда, идеально причесана, как всегда, идеально одета. Но Тедди видел, как она устала.

Когда они встретились, Алексии было двадцать пять, а когда поженились в маленькой католической церквушке неподалеку от Кадоган-стрит, – двадцать восемь. Тогда она выглядела поразительно красивой, в классическом стиле семидесятых. Очень стройная, с длинными

ногами жеребенка и гривой роскошных светлых волос, летящих за ней, как хвост кометы, Алексия и тогда была амбициозна и очень быстро изменилась: постриглась, перешла на более скромные костюмы и невысокие каблуки. Тогда она впервые баллотировалась в парламент. Миссис Тэтчер стала лидером нации за несколько лет до того, как Алексия де Вир стала членом парламента, но Британская партия консерваторов по-прежнему не признавала роли женщин в политике, особенно женщин средних и низших классов. Брак с британским аристократом определенно увеличил шансы Алексии на политическую карьеру. Тедди отказался от звания пэра, чтобы молодая жена могла получить место в палате общин, но Алексия оставалась де Вир, а де Виры были частью истэблишмента тори с незапамятных времен.

Тедди был неглуп. И прекрасно понимал, что прежде всего имя, деньги и семейные связи привлекли его молодую, прекрасную, честолюбивую, умную жену. Но он восхищался Алексией, любил ее и готов был положить больше того, что имеет, на алтарь ее карьеры. До их встречи жизнь Тедди хотя и проходила в привилегированных кругах, отличалась роскошью, но была невыносимо скучной. Женитьба на Алексии Паркер превратила ее в приключение.

Сидя за своим столом, Алексия, как всегда, выглядела сильной, умной, ужасно успешной женщиной. Вся, от прически, сделанной в салоне Дэниела Гэлвина, до безупречно сшитого костюма от кутюр и бриллиантов, поблескивавших на пальцах, в ушах и на шее, жена Тедди де Вира являла собой женщину, с которой приходилось считаться. Глядя на нее, Тедди буквально лопался от гордости.

Министр внутренних дел. Это что-то!

«Мы сделали это, дорогая. Доказали свою правоту!»

Конечно, в жизни де Виров было немало испытаний и трагедий, как в любой семье. Тедди был достаточно умен, чтобы понять: отношения между Алексией и Рокси, возможно, никогда не изменятся к лучшему. Шансов на примирение столько же, сколько на исцеление изуродованных ног дочери. Все началось давно, когда Рокси стала подростком. Но конечно, эта история с мальчишкой Бизли окончательно испортила все. А Алексия никогда не была чувствительной, тонкой натурой, той матерью, которая может обнять дочь и сказать: «Ну-ну, успокойся, все хорошо». Тедди знал также, что Алексия безобразно избаловала Майкла, отчасти в компенсацию теплоты, потерянной с Роксанной. Иногда это доводило его до безумия, но он понимал и ценил в себе это свойство – всегда понимать жену. Они были двумя сторонами одной медали, он и Алексия. И он горячо ее любил.

– Нам не хватало тебя за ужином.

– Правда? Стоял такой ор, что мне трудно было разобрать, что к чему.

Тедди зашел ей за спину и принялся растирать плечи.

– Прости, что вышел из себя. Куда ты исчезла?

– Кто-то подъехал к воротам и спросил, нельзя ли увидеться со мной. Дженнингсу гость не понравился, но, к тому времени как я вышла, он уже исчез.

– Мне тоже не нравится, что эти психи постоянно за тобой увязываются, – помрачнел Тедди.

– Мы не знаем, психи ли это. Возможно, это был избиратель или репортер.

– Он есть на пленке?

Алексия не моргнула глазом.

– Нет. Камеры отключились.

– Опять?

– Боюсь, что так.

– Ради всего святого! Что это с чертовой системой? Не можешь потребовать, чтобы МИ-5[6] взяло дело в свои руки? В конце концов, ты управляешь этой чертовой страной!

[6] Управление контрразведки и охранное агентство Соединенного Королевства.

Алексия встала и поцеловала его.

– Расслабься, дорогой. Ничего страшного. У меня будет вся необходимая охрана, но не хотим же мы жить, как заключенные. Верно?

– Ну… нет, конечно.

– Прекрасно. Что будем делать с Майклом? Насчет его ухода из Баллиола…

Тедди повелительно поднял руки, призывая к молчанию. Немногие могли остановить Алексию на полуслове, но муж был одним из этих немногих.

– Ни за что на свете, – твердо объявил он. – Сегодня мы не говорим о наших детях. Этот вечер должен быть твоим. Пойдем в постель и можешь рассказать мне о первом дне во всех восхитительных подробностях.

Он игриво похлопал ее пониже спины.

– Ладно, – рассмеялась Алексия. – Постель так постель.

Мысленно она не впервые поблагодарила звезды за прекрасного, заботливого мужа. Как жаль, что приходится ему лгать.

Пленка с камер была плохого качества. Но изображение на ней можно разобрать. Завтра она покажет пленку Эдварду Мэннингу. Эдвард знает, что делать.

Глава 10

Сэр Эдвард Мэннинг был возбужден до предела.

– Лицом на стол, сука!

Занятия сексом в палате лордов всегда его заводили. Было что-то восхитительно непристойное в том, чтобы принуждать к сексу на все готовых молодых слуг в таком древнем царственном окружении. Сегодня вечером двадцатилетний румын был особенно угодлив. Запер дверь и разделся, как только ужин закончился и скучнейшая группа китайских дипломатов вернулась в посольство.

– Раздвинь ноги.

Винные бокалы тончайшего уотерфордского хрусталя с гравировкой «Палата лордов» опасно тряслись на раскачивающемся столе. Сэр Эдвард Мэннинг со спущенными брюками, но по-прежнему в смокинге и бабочке вонзался сильнее и быстрее, пока на крахмальной белой сорочке не появились мокрые пятна.

– Не так грубо, Эдвард. Мне больно!

– Для тебя «сэр Эдвард», дорогой. И я хочу, чтобы тебе было больно. В этом весь смысл!

Подтолкнув молодого румына вперед, Эдвард скорчился над ним, как жаба, насилуя восхитительно податливое двадцатилетнее тело. Сэр Эдвард не жалел о своей утраченной юности, но все еще ценил прелести юного тела, особенно предложенные бесплатно.

Хрустальный бокал с громким звоном разлетелся по паркету. За ним последовал второй. Сэр Эдвард увеличил темп. Уже час ночи, дверь заперта, но вдруг их потревожат!

Наконец он кончил со сдавленным звуком наслаждения, щедро разбрызгав сперму по гладким голым ягодицам румына, прежде чем соскользнуть на пол. Натягивая брюки и приглаживая волосы, он любовался своим завоеванием, все еще распростертым на столе.

– Можешь не подметать стекло, Сергей. Кто-нибудь утром уберет.

Сергей Милеску повернулся и взглянул на старика, которого только сейчас обслужил. Он ненавидел Эдварда Мэннинга со жгучей, убийственной силой. Но еще больше ненавидел себя за бесстыдную эрекцию. Все, что проделывал с ним англичанин, было омерзительно, болезненно и постыдно. Но Сергей наслаждался почти так же, как его мучитель.

Конечно, он был с Мэннингом не ради секса. Тот – влиятельный человек с влиятельными связями. И богат, богат так, как не снилось Милеску даже в самых безумных снах. Когда-нибудь Сергей отплатит за все унижения последних шести месяцев, за синяки и раны на теле, которые никогда не заживут полностью.

– Иди сюда.

Сэр Мэннинг потрепал его по голове, как собаку. Костлявые старческие пальцы лениво чертили линии на смуглых щеках Сергея.

– Тебе понравилось, верно?

Сергей кивнул.

– Вы знаете, что это так. Но неужели все это должно вечно происходить там, где я работаю? Не можем мы хоть иногда приезжать к вам домой? Я чувствую себя…

– Кем именно? – промурлыкал сэр Эдвард, потянувшись к каменно-твердому «петушку» Сергея.

– Вы знаете, – простонал тот. – Шлюхой.

– Но, мой дорогой мальчик, в этом все дело. Ты и есть моя маленькая шлюшка.

«Ненавижу», – думал Сергей, извиваясь под ласками любовника.

Он уже почти достиг оргазма, когда сэр Мэннинг внезапно разжал пальцы.

– Хорошо, – кивнул он, к изумлению Сергея. – Если это тебя порадует. В следующий раз сделаем это у меня дома.

«Порадует. Еще как порадует».

– Правда?

– Правда.

Сэр Эдвард послал ему поцелуй.

– Не забудь погасить свет перед уходом.

Утром, отдохнувший, принявший душ и пахнувший афтершейвом «Флорис», сэр Мэннинг сидел за столом, перечитывая досье нового босса.

«Алексия де Вир (урожденная Паркер). Член парламента от Северного Оксфордшира. Родилась 8 апреля 1954 года. Вышла замуж в 1982 году за лорда Эдварда Стенли Риджмонта де Вира (отказ от титула в 1986 году). Двое детей: Роксанна Эмили (1983), Майкл Эдвард Риджмонт (1985). Работа в министерстве торговли и промышленности (6 лет). С 2009 года и по настоящее время – заместитель министра тюрем».

В этом досье мало что могло привлечь внимание, но именно это и устраивало сэра Эдварда Мэннинга. Как все старшие государственные служащие, он считал министерство внутренних дел своим королевством – министры приходят и уходят, а сэр Эдвард и его штат остаются постоянной принадлежностью министерства, именно они на самом деле правят страной. Досье МИ-5 было толстым, как Коран, и куда более пикантным, чем это. Сэр Эдвард служил при пяти министрах внутренних дел, лейбористах и консерваторах, и у всех пятерых в шкафах таилось куда больше гремящих костями скелетов, чем в средних размеров лондонской братской могиле, где когда-то хоронили умерших от чумы. Твердых доказательств против них не было, разумеется, и в обязанности сэра Мэннинга входило сделать все, чтобы они и не появились, – одна из тех областей, в которых интересы его и политических хозяев совпадали. Совсем как вестминстерский вариант детской игры «Змеи и лестницы». Но только здесь змеи обычно добирались до вершины – мужчины и женщины, которые сбрасывали кожу скандала так легко, как угри в море масла.

Алексия де Вир была другой. Ее досье – такое тонкое, что практически кажется листовкой. До прошлого года, когда ее билль реформы приговоров и наказаний заслужил осуждение всей прессы, миссис де Вир была практически невидимой. В досье – вообще ничего до записи о коротком пребывании на посту секретаря члена парламента. С тех пор прошло несколько ничем не примечательных лет службы в местной политической организации до необычайно удачного брака с богатым британским лордом и получения бесплатного пропуска в верхние эшелоны власти. Двое детей, дочь – никчемная неудачница (попытка самоубийства Роксанны де Вир была единственным ярким штрихом в идеальной истории семейной жизни). Залогом довольно успешной политической карьеры, вне всякого сомнения, была личная дружба миссис де Вир с Генри Уитменом, новым премьер-министром. И это крайне беспокоило сэра Эдварда Мэннинга. Что, спрашивается, общего у стареющей миссис де Вир с молодым, только что женившимся лидером партии? Тут должна быть связь, но будь он проклят, если понимает, что к чему.

Ничего, абсолютно ничего не дает понять, почему Алексию де Вир вытащили из ничтожного министерства тюрем и назначили министром внутренних дел.

«Где мертвые тела, враги, которых она встречала на пути, когда так ловко и бесшумно карабкалась по намазанному жиром столбу? Где те наземные мины, спутанная паутина неразорвавшихся бомб, между которыми нужно аккуратно пройти, чтобы не наткнуться?»

Досье Алексии было интересным не содержанием, а тем, о чем оно умалчивало.

«Эта женщина что-то утаивает от меня. Но я ее разоблачу. Мне нужно защищать министерство и нашу работу. Нужно узнать, кто она и какого черта здесь делает».

– Доброе утро, Эдвард. Вы сегодня рано.

Человек с менее крепкими нервами подскочил бы. Сэр Мэннинг спокойно закрыл досье, сунул в ящик стола и растянул ястребиное лицо в улыбке.

– Вовсе нет, министр внутренних дел. Уже почти восемь.

Он сам просил нового босса называть его по имени и не трудиться упоминать титул, но раздражался каждый раз, когда она делала это. Возможно, дело в бьющем по нервам псевдоаристократическом выговоре. Или в том, что Алексия де Вир – женщина. Сэр Мэннинг и раньше работал на женщин, но никогда по своей воле. И хотя скрывал свои сексуальные предпочтения, по правде говоря, находил женщин омерзительными.

– Я бы хотела, чтобы вы называли меня Алексией.

– Знаю, министр внутренних дел. Если не сочтете дерзостью, должен сказать, что вы выглядите немного усталой.

Алексия поймала свое отражение в окне и поморщилась. Он не шутил. Глаза распухли и покраснели, кожа казалась сухой, и каждая морщинка врезалась в кожу глубже, чем неделю назад.

«Говорят же, что высокая должность старит. Может, процесс уже начался».

– У меня была трудная ночь.

– Мне жаль это слышать.

– Кто-то приехал в мой дом. Мужчина. Он хотел поговорить со мной. Но к тому времени как я подошла к привратницкой, он исчез.

Сэр Эдвард нахмурился:

– И вы не знаете, кто это?

– Точно не знаю, но подозрения у меня есть.

Алексия коротко рассказала о деле Санджая Патела и угрозах, которые получала потом.

– У нас есть его изображение на пленке, хотя качество ужасное. – Она вынула из портфеля серебристый диск и протянула ему.

– Превосходно. Я немедленно перешлю это в службу охраны. Так или иначе, нужно позаботиться о вашей безопасности. Встреча с главой охраны назначена на пятницу в три. Может это подождать до пятницы?

– Конечно, – кивнула Алексия. – Так или иначе, все это пустяки. Я не волнуюсь. А теперь за работу.

В голове звучали чьи-то голоса. Голоса, которые он узнавал. Голоса из прошлого. Его лучший друг. Его жена. Бывшая жена. Его дочь. Голос дочери всегда успокаивал, вызывал улыбку. Но очень ненадолго. Потому что был еще *mom* голос.

Иногда он думал, что это голос Господа, полный праведного негодования. Но чаще всего он походил на голос дьявола: искаженный, зловещий, нечеловеческий. И он точно знал, что это голос страха. Голос, твердивший ему ужасные вещи, требовавший от него ужасных поступков. Голос, который нужно удовлетворить. Которому нужно подчиняться. Но как он мог подчиниться, если ему даже не дают ее увидеть? Алексия де Вир была неприкосновенна.

– Вы что-то сказали, дорогой? – Миссис Мэрджори Дэвис с подозрением оглядела своего жильца.

В течение двадцати лет управления гостиницей в Котсуолде миссис Дэвис видела всяких психов. Была такая пара из штата Калифорния, которая каждое утро приносила к завтраку кристаллы и располагала вокруг тарелок с бобами и сосисками как источник «позитивной энергии». Были французские геи, которые отказались оплатить счет, потому что нашли в ванне паука. Не говоря уж о возрожденных христианах из Канады, заказавших по четыре чая с булочками, сливками и вареньем и все это благополучно съевших. Но этот парень был не просто чудаком. Он был более чем странным, разговаривал с собой и расхаживал по дому в

любое время суток, бормоча религиозную чепуху. Утром он спустился к завтраку в грязной майке и небритый. Миссис Дэвис запоздало спохватилась, что он может быть опасен.

– Простите, – выдавил он, – я не сознавал, что говорю вслух.

«Определенно с приветом», – подумала миссис Дэвис и подняла чайник как оружие.

– Еще «Эрл Грей»?

– Нет, спасибо. Только счет, пожалуйста. Я после завтрака уезжаю.

«Скатертью дорога».

Миссис Дэвис заметила расписание поездов «Дидкот – Лондон», заткнутое за стоечку с тостами, и понадеялась, что больше постояльца не увидит.

– Мне очень жаль, – сказала она на автопилоте. – Вам понравился Оксфордшир?

Мужчина нахмурился, словно не понял вопроса.

– Мне нужно увидеть Алексию де Вир.

– Прошу прощения?

– Я сказал, что нужно увидеть министра внутренних дел.

Он вдруг ударил кулаком по столу.

– Она ждет меня. Мы старые друзья.

Мэрджори попятилась от стола. Мужчина снова принялся за еду, а она бросилась к стойке портье и быстро напечатала счет. Как только он закончил завтрак, она вернулась к столу.

– Думаю, вам лучше уйти. Мы принимаем карточки «Виза» или «Мастеркард».

Она была изумлена твердостью собственного голоса, но не собиралась провести ни минуты больше в обществе сумасшедшего. И уж конечно, не в своем доме.

Мужчина, казалось, утихомирился. Подписал чек, взял чемодан и молча направился к двери.

После его ухода миссис Дэвис взглянула на подпись на чеке, гадая, услышит ли это имя еще раз в связи с преступлением или заговором против правительства.

«Мистер Уильям Хэмлин».

Хэмлин.

Нужно запомнить.

Глава 11

Тюремная жизнь вполне подошла Билли Хэмлину.

Конечно, странно слышать такое, но это правда. Размеренность, рутина, дружба с другими заключенными – все вполне соответствовало покладистой, дружелюбной натуре Билли, как только он привык к тюремному распорядку.

Самым тяжелым был первый год. Его перевели в тюрьму, находившуюся поближе к дому отца. И Билли был безутешен, когда Джефф Хэмлин внезапно умер от сердечного приступа всего через три месяца после суда. Билли пытался уговорить себя, что не виноват в смерти отца, что тот скончался не от жестокого удара судьбы – ареста сына, но в глубине души знал правду Совесть грызла его, как собака – кость.

Лесли Луз иногда слал записки насчет подачи апелляции. Но проходили дни, недели, месяцы и годы, а о помиловании ничего не было слышно. Билли смирился с тем, что отсидит полный срок.

Двадцать лет… даже подумать страшно. Даже пятнадцать за хорошее поведение были горькой пилюлей. Билли решил сосредоточиться на единственном позитиве, оставшемся в его жизни. Тони Гилетти.

«Когда я выйду, Тони будет меня ждать».

Сладкая, почти наркотическая фантазия. И Билли Хэмлин льнул к ней, как к спасательному кругу.

– Когда я выйду отсюда, – твердил себе Билли каждую ночь, лежа на холодной одинокой койке, – не выпущу Тони из постели. Нужно же наверстать потерянное время.

Он засыпал, мечтая о мягком, прекрасном теле Тони, и просыпался с запахом ее кожи в ноздрях, ощущая нежную ласку шелковистых белокурых волос на груди. По мере того как шли годы, а о Тони ничего не было слышно – ни писем, ни посещений, ни звонков, – он придумывал сцены, объясняющие ее отсутствие.

Отец не пускает ее к нему.

Она путешествует в дальних странах, возможно, совершает поход по Андам, пытаясь выкинуть его из головы, пока они снова смогут быть вместе.

Она работает и копит деньги на дом, который они купят вместе, когда Билли выйдет.

Фантазии становились все более неправдоподобными, и это понимал даже сам Билли. Он прекратил говорить о Тони с другими заключенными и словно убрал ее далеко, в самую глубину души, с тем, чтобы радостно доставать снова и снова, как только гаснут огни и он остается один.

Питаясь этими романтическими иллюзиями, Билли упорно старался извлечь все выгоды из тюремной жизни: записался в классы науки и механики, много работал на тюремной ферме, что очень ему нравилось. Обычно убийцы детей находились на самой нижней ступени тюремной иерархии. Их подвергали остракизму и всячески издевались. Но было что-то в добром, неизменно жизнерадостном характере Билли, смягчавшее даже самых закоренелых преступников. Кроме того, никто не верил, что он убил Николаса. Все знали, что суд был чистым фарсом.

В тот день, спустя пятнадцать лет, когда Билли вышел из тюрьмы штата Нью-Джерси, никто не ждал его у ворот. Отец умер, близких родственников у него не было. Конечно, имелись знакомые. Но он с болью осознал, что все настоящие друзья остались по другую сторону огромных, запертых стальных ворот. Билли Хэмлин не был готов встретиться с окружающим миром в одиночку.

Поэтому и сделал единственное, что мог.

Отправился на поиски Тони Гилетти.

И прежде всего поехал в особняк ее родителей в Нью-Джерси. Он никогда не был здесь раньше, но запомнил адрес и видел снимки в глянцевом журнале «Дрим хоум».

Горничная, открывшая дверь, была очень добра. Ее брат Тайрон провел в тюрьме восемь лет за мелкое воровство, и она знала, что может сделать с человеком долгий срок за решеткой. Но она сказала Билли, что он приехал зря.

– Старик Гилетти продал дом восемь лет назад. С тех пор здесь живут Бартеры. Мои хозяева.

Билли с трудом скрыл разочарование.

– Не знаете, куда переехали Гилетти?

– Нет. Думаю, вернулись в Нью-Йорк. Но старик потерял кучу денег, когда разорился. Пришлось платить партнерам и банку. Поэтому он продал дом. Они попали в настоящую беду.

Билли помнил Уолтера Гилетти как чванливого, наглого типа, вечного хозяина положения, который так пренебрежительно отнесся к его отцу на суде.

Проведя небольшое расследование и позвонив кое-кому из бывших работников Уолтера, Билли нашел новый дом Гилетти, чистую, но скромную квартирку в недорогом квартале Бруклина. Добравшись туда, он решил, что снова потратил время зря. Его встретила древняя морщинистая карга в грязном велюровом домашнем костюме.

– Какого черта вам здесь надо?

Злобные глазки прищурились.

– Билли Хэмлин! – выдохнула она. – Тебя уже выпустили!

Только тогда он узнал мать Тони.

– Сандра?

– Для тебя миссис Гилетти, мальчишка!

Иисусе! Она состарилась на тридцать лет! Больше!

– Я… я искал Тони, – заикаясь, выдавил он. По какой-то причине старуха сильно действовала ему на нервы.

– Ты и весь мир, – мерзко закудахтала Сандра Гилетти. В ее груди свистело и потрескивало: верные признаки эмфиземы. Он вспомнил старую поговорку: хочешь знать, в кого превратится с годами девушка, – взгляни на ее мать.

– Тони ушла, малыш. И никогда не вернется.

На какое-то страшное мгновение Билли подумал, что Тони мертва. Но Сандра объяснила, что дочь сбежала сразу после суда, холодно уведомив родителей, что больше не желает иметь с ними ничего общего и начинает новую жизнь.

– Вот так и сказала, – прокашляла старуха. – После двадцати лет любви и привязанности встала и ушла, и больше мы о ней не слышали.

Билли вспомнил единственное волшебное лето с Тони и длинные разговоры о родителях. «Любовь и привязанность» не те слова, которые можно соотнести с Гилетти. Тогда он жалел Тони и был благодарен своему отцу за неизменно теплое отношение.

– Конечно, Уолтер потерял все, – продолжала миссис Гилетти. – Ты, возможно, уже знаешь. Умер от удара всего через несколько месяцев после переезда. Оставил меня без единого пенни, скупой сукин сын!

Билли глянул поверх ее плеча. Квартира чистая, уютная. Конечно, не «Ритц-Карлтон», но он убил бы ради того, чтобы получить такой дом, куда можно было бы прийти и остаться.

– Похоже, у вас все неплохо, миссис Гилетти.

Та презрительно скривила губы.

– У тебя низкие стандарты. Возможно, потому и влюбился в Тони. Она даже на похороны не приехала. Даже цветы не прислала. Бессердечная сука!

Билли покинул квартиру в крайне угнетенном состоянии. В тюрьме у него по крайней мере была мечта, помогавшая выжить. Но теперь все рухнуло. Все уничтожено. Как его жизнь…

И не только его. Гилетти тоже все потеряли. Можно подумать, все, кто имеет отношение к тому далекому ужасному лету в Кеннебанкпорте, прокляты! Пусть Билли единственный, кого засадили в тюрьму, остальные тоже наказаны. Каждый пострадал по-своему.

Билли старался не думать о семье Хэндемейер и их нескончаемой скорби. Неужели и они истерзаны и измучены? Что случилось с ними после суда? Удовлетворен ли сенатор свершившейся местью?

Билли почему-то сомневался в этом.

Следующие несколько месяцев он неустанно искал Тони, но это было все равно что пытаться ловить призрак сачком для бабочек. Он даже потратил тысячу долларов из маленького наследства, оставленного отцом, на частного детектива. Бесполезно. Ядовитая старая змея, мать Тони, была права.

Только спустя несколько месяцев Билли Хэмлин распознал природу нараставшего в нем чувства. Облегчение. Он отпустил мечту, отстегнул парашют и, к своему изумлению, обнаружил, что не упал в пропасть отчаяния, не погиб и даже не ощущал себя приговоренным во второй раз. Нет, с его плеч свалилось огромное бремя.

Выйдя из тюрьмы, Билли не стал свободным человеком. Свободу дал отказ от Тони Гилетти. Наконец он может строить собственную жизнь.

В тюрьме он получил специальность механика и потратил остаток наследства на покупку доли в загибающейся автомастерской в Куинсе. Его партнером стал старый школьный приятель Майло Бейтс. Майло следил за процессом Билли по телевизору и очень расстраивался из-за того, что случилось с другом. Он по-прежнему жил в том квартале, где и когда-то Хэмлины, и женился на милой местной девушке Бетси. У них уже было трое детей. Семья Бейтс взяла Билли под свое крыло, и именно их дружба помогла ему найти себя в новой жизни.

Бетси Бейтс и познакомила Билли с Салли Даффилд, женщиной, которая потом стала его женой. Билли и Салли поладили с первой встречи. Она, рыженькая девушка с невероятными льдисто-голубыми глазами и кожей, как у старой фарфоровой куклы, показалась ему необычайно красивой. У Салли была тонкая талия, большие груди и раскатистый заразительный смех, наполнявший комнату весельем. Добрая, обладавшая прирожденным материнским инстинктом, она к тому же имела постоянную работу секретаря в юридической фирме. Билли не был влюблен, но она очень ему нравилась, и он хотел детей. Как и она. Так что вроде бы не было причин ждать.

Первые пять лет брака были счастливыми. И Билли, и Салли были заняты. Билли пропадал в мастерской, а Салли нянчила их маленькую дочь. Дженнифер Дженни Хэмлин была зеницей ока обоих родителей: кругленькая, пухлая, как пончик, постоянно покрытая тальком с цветочным запахом и забавно агукающая всякому, у кого находилось время ей улыбнуться. Единственной болью Билли был отец. Как жаль, что Джефф не дожил до рождения внучки. Не увидел, как счастлив и доволен сын. По мере того как росла Дженни, крепкая, хорошенькая, забавная, острая на язык, – росла и любовь родителей.

И все же их любовь друг к другу, бывшая с самого начала не более чем дружбой, стала меркнуть. Когда Салли вернулась на работу и влюбилась в коллегу, Билли расстроила не измена, а то обстоятельство, что ему было все равно. Абсолютно. Когда тебе безразлично, что другой мужчина спит с твоей женой, что-то определенно неладно. И поэтому Хэмлины развелись спокойно, дружелюбно и без всякой драмы.

Годы спустя, когда Билли спросил дочь о том, подействовал ли на нее разрыв, двенадцатилетняя Дженни глянула отцу в глаза и серьезно ответила:

– Па, я видела, как белок отделяли от желтка с большим проявлением эмоций.

Когда мать задала ей тот же вопрос. Дженни встала, театрально охнула и прижала ладонь к губам:

– Как! Хочешь сказать, что вы развелись?!

Дело в том, что Дженни Хэмлин была счастливым, умным, находчивым ребенком. Мать удачно выбрала второго мужа, а Билли, хотя и не женился, все же был совершенно доволен своим бизнесом, приятелем Майло и сезонным билетом на стадион «Янки».

Вот тут и появились голоса.

Все началось как небольшая депрессия. Клиентов в мастерской постепенно становилось меньше. Начались финансовые затруднения. Долги накапливались, а у Билли больше не было жалованья Салли, чтобы подстраховаться. Когда брак Майло и Бетси тоже развалился, Билли воспринял это как удар. Он не мог точно определить свое состояние, но чувствовал себя так, словно мир рушится на глазах. Он стал пить, сначала редко, потом все чаще. Где-то в процессе саморазрушения граница между реальностью и все более мрачнеющим воображением Билли стала таять, а потом и вообще исчезла.

Майло покинул город, сбежал, предоставив напарнику платить долги. Но Билли убедил себя, что его похитили и убили.

– Майло никогда бы не бросил меня, – твердил он полицейским. – Только не Майло. Он мой лучший друг. Они его украли. Увезли и убили.

Когда его спрашивали, кто это сделал, Билли отвечал одним словом «голос».

Злобный голос, очевидно, подсказал ему, что «они» похитили Майло Бейтса. Билли описывал живые, кошмарные фантазии, в которых Майло пытал и убивал кто-то неизвестный, и требовал полицейского расследования.

Крайне встревоженная происходящим, бывшая жена Билли позвонила социальным работникам. Врачи определили у него шизофрению и прописали лекарства. Когда он начинал их принимать, положение улучшалось. Когда бросал – ухудшалось очень сильно.

Он месяцами отсутствовал дома, исчезая неизвестно куда. Никому не говорил, где пропадал, а когда возвращался, отказывался это обсуждать. «Бэлос» говорил ему, куда ехать, и перепуганный Билли следовал его указаниям. Никто не знал, где он добывает деньги на таинственные поездки, а Билли явно темнил, давая уклончивые ответы и твердя, что деньги появились на его банковском счету неизвестно откуда. Салли и Дженни умоляли его лечиться. Но Билли отказался, убежденный, что, если не выполнить приказ «голоса», если позволить докторам заглушить его, случится нечто ужасное.

Иногда он зацикливался на определенных людях. Некоторые были местными, соседями, которым, как он считал, грозит опасность. Остальные были знаменитостями. Игроки в бейсбол, политики, актеры.

Совсем недавно и внезапно оказалось, что Билли одержим новым британским министром внутренних дел Алексией де Вир. Журнал «Таймс» поместил ее фотографию, и Билли буквально помешался на Алексии, проводя часы за компьютером, изучая биографии британских политиков.

– Я должен предупредить ее, – сказал Билли дочери.

«Неужели опять? – подумала Дженни. – Последнее время ему вроде бы стало гораздо лучше».

– Предупредить? О чем? – вздохнула она. – Ты не знаешь эту женщину.

– Это не важно.

– Но, па…

– Она в страшной опасности. Так сказал голос. Я должен предостеречь ее. Нужно ехать в Англию.

Никто, даже Дженни Хэмлин, не думал, что Билли действительно поедет.

Тедди де Вир с расстроенным видом вошел на кухню в Кингсмире.

– Что случилось, па? – спросила Рокси. – Как любит говорить бабушка, выглядишь так, будто потерял шиллинг и нашел шестипенсовик.

Тедди даже не улыбнулся.

– Ты видела Дэнни?

Дэнни был старым семейным псом, жесткошерстной таксой с интеллектом не выше, чем у капусты, но де Виры были очень к нему привязаны. Особенно Тедди.

– Я позвал его утром на прогулку, а он не пришел. И нигде его нет.

– Возможно, спит в темном уголке, – отмахнулась Рокси, – или поковылял к коттеджу егеря за колбасками. Хочешь, я его поищу?

– Тебе не трудно? Глупо, я знаю, но почему-то волнуюсь за него.

Через полчаса встревожилась и Рокси. Они дважды обыскали весь дом и сад. Стало ясно, что собака пропала.

– Может, мама случайно выпустила его, когда утром уезжала в Лондон? – недоумевала Рокси. – Нужно позвонить ей и проверить.

– Уже сделано. Она сказала, что не заглядывала в корзинку, но не помнит, чтобы видела Дэнни, и он точно не выбегал за ворота.

– Ваша милость.

В дверях кухни появился Альфред Дженнингс. Тедди вот уже десять лет как отказался от титула, когда Алексия впервые избиралась в парламент, но Альфред был совершенно не способен обращаться к Тедди как-то иначе.

– Вы нашли его?

Круглая физиономия Тедди осветилась надеждой.

Старый привратник опустил глаза.

– Да, ваша светлость. Боюсь, что нашли.

Алексия откинула простыни от Фретте на постели в лондонском доме и скользнула между ними. День выдался тяжелый. Со времени ее нового назначения все дни были тяжелыми, и мягкое прикосновение египетского хлопка к голым ногам казалось восхитительным. Алексия обычно надевала в постель шелковые пижамы от «Тёрнбулл энд Ассер», но в Лондон нахлынула трехдневная волна жары, а единственной роскоши, которой не было в Чейн-Уок, – это кондиционеров.

– Если я заплачу за эту чушь, мы разоримся, – твердил Тедди. – Будет жарко, откроем окна.

«Иногда он может быть таким англичанином», – с любовью подумала Алексия.

Тедди уже звонил из Кингсмира. Сэр Эдвард Мэннинг трижды передавал ей, что звонит муж, но у Алексии буквально не было ни единой свободной минуты, чтобы ответить. Телефон зазвонил в тот момент, когда она потянулась к трубке.

– Дорогой, прости, ты не поверишь, что сегодня творилось. Две выборные комиссии, первая встреча с кабинетом министров… я…

– Алексия. Кое-что случилось.

Тон Тедди мгновенно отбил всякую охоту продолжать. В мозгу мгновенно заклубились всякие ужасы.

«Несчастный случай. Майкл. Рокси».

– Собаку отравили.

На секунду ее охватило облегчение.

«Это всего лишь Дэнни. Не дети».

Но тут до нее дошло то, что пытался сказать Тедди.

– Отравили? Намеренно?

– Не уверен. Но никто из садовников не признался в том, что рассыпал крысиный яд, а ветеринар утверждает, будто в желудке Дэнни его полно.

– Полно? Он мертв?

– Да, мертв. Именно это я пытаюсь тебе сказать. Весь проклятый день!

Алексия слышала, как дрожит голос Тедди. Он любил пса.

И вдруг ей стало страшно. Таинственный посетитель. Гибель Дэнни. Возможно, между этими двумя случаями нет связи. А если есть? Что за психопат способен убить милую маленькую собачку?

Алексия десять минут утешала мужа, прежде чем повесить трубку. Но телефон тут же снова зазвонил. Она схватила трубку, молясь, чтобы это не оказалась свекровь, часто звонившая по ночам. Вдовствующей леди де Вир было девяносто шесть, и она уже почти полностью оглохла – недостаток, который ни в коем случае не гасил ее любви к телефону как к средству связи. Особенно она обожала выкрикивать рецепты, предпочитая забывать о том, что невестка за шестьдесят лет жизни тоста не поджарила и вряд ли собирается сделать это в будущем, теперь, когда на ее плечи легла такая «легкая» задача, как управление страной. Обычно вызов начинался со слов: «Тедди обожает заливных угрей. У тебя есть под рукой ручка и бумага?»

Но это оказалась не мать Тедди. Судя по тихому щелчку, звонок был междугородним. Но на другом конце линии молчали.

– Алло!

Иногда на линии бывали задержки, особенно если звонок поступал из США.

– Люси, это ты?

Люси Мейер – ее соседка по Мартас-Вайнъярд. Больше ей никто не мог звонить домой в такой час. Скоро летний отпуск, и Люси звонила чаще, приятное напоминание о мирной жизни вне политики.

«Если бы только Люси перебралась в Англию, насколько легче была бы жизнь!»

– Это ты, Люси? Ничего не слышно. Перезвони.

Но это оказалась не Люси. В трубке рычал явно измененный механический голос.

– День грядет. День, когда гнев Господа обрушится на тебя.

– Кто это?

– Согрешила ты против Господа, и потому я сделаю тебя беспомощной. Как слепца, не способного найти дорогу.

– Я спросила: кто это?

– Кровь твоя прольется в пыль, и тело твое будет гнить на земле. Сука, убивающая невинных!

Все смолкло. Алексия, задыхаясь, положила трубку. Закрыла глаза и представила вид из окна офиса: серебристая Темза и ее предательские течения, змеями обвивающие здания, запирающие ее, как Рапунцель в башне.

«Кто-то в этом мире ненавидит меня».

Вода прибывала.

Глава 12

Алексия нетерпеливо постучала по столу серебряной авторучкой «Монблан». Комиссар Грант, старший офицер городской полиции, отвечающий за ее личную безопасность, опаздывал на встречу к трем часам. Если что-то Алексия и не могла терпеть, так это опоздания.

Ее первый политический босс, одиозный член парламента от партии либералов, по имени Клайв Лейнстер, был помешан на пунктуальности, и урок Алексия усвоила навсегда. Боже, какой все-таки болван этот Клайв! Работа секретаря изменила жизнь Алексии, но босс был ходячим кошмаром: лет сорока пяти, женатый и омерзительный развратник даже по вестминстерским стандартам, внешне – лысый коротышка с кривыми ногами, почти несуществующим подбородком и зловонным дыханием. Для Алексии Паркер (такую фамилию она носила тогда) было почти чудом то, что Клайв Лейнстер нашел единственную женщину, согласившуюся с ним спать.

– Власть – невероятный афродизиак, Алексия, – хрипло выдыхал Клайв ей на ухо после одного из долгих, сдобренных выпивкой ленчей. Через месяц ей с болезненной ясностью увиделось, какой именно работы ждет от нее Клайв. Вовсе не той, которую была готова предложить Алексия.

– Знаешь, ты никогда не продвинешься в Вештминстере, если не готова играть по правилам, – прошипел Клайв, когда Алексия забирала свои вещи.

– По крайней мере я умею выговорить «Вестминстер», – отрезала Алексия. – И я готова играть по правилам, просто не с вами.

Прошествовав к выходу с высоко поднятой головой, Алексия ушла. Она была убеждена, что немедленно найдет работу. Однако следующие шесть месяцев пришлось провести за стойкой бара в «Коуч энд хорсез» на Хаф-Мун-стрит.

– Ни один член парламента не дотронется до меня, – жаловалась она одному из постоянных посетителей, застенчивому молодому финансисту по имени Эдвард де Вир. – Можно подумать, у меня чума или что-то в этом роде. Эта сволочь Лейнстер, должно быть, отравил колодец.

– Я могу поспрашивать в «Карлтон-клаб», если хотите. Посмотрю, ходят ли какие-нибудь слухи.

– Вы член «Карлтон»?

Алексия впервые сообразила, что у де Вира могут быть влиятельные связи. И в политике тоже. «Карлтон-клаб» – это эксклюзивный клуб тори в районе Сент-Джеймс. Как все будущие политики-консерваторы, Алексия душу бы продала, чтобы получить в него доступ, но женщинам членство запрещалось. А даже если бы и разрешалось, имя неизвестной барменши, без семьи и связей, вероятно, не оказалось бы в самом верху списка для комиссии по приему новых членов.

Вновь Тедди появился через два вечера.

– Так вы слышали что-то?

– Собственно говоря, да.

– И?

Алексия перегнулась через барную стойку, случайно позволив посетителю полюбоваться ее грудью.

– Не держите меня в неизвестности.

– Скажу, но при двух условиях.

– Условиях? – нахмурилась она.

– Вообще-то их даже три.

– Три?

– Три.

– И какие же?

– Первое: не стрелять в гонца.

«Черт! Должно быть, услышал что-то скверное. Крайне скверное».

– Я бы никогда этого не сделала. Продолжайте.

– Второе – называть меня «Тедди». «Эдвард» звучит так напыщенно!

– Договорились, Тедди, – рассмеялась она. – А третье?

– Согласитесь поужинать со мной в пятницу вечером.

Алексия немного подумала. На пятницу у нее уже было назначено свидание с танцором Франческо из Королевского балета. Ее коллеги-геи были вне себя от волнения по этом поводу.

– Счастливица, – проворковал хозяин заведения, бесстыдно пожирая глазами ширинку Франческо на рекламных фото, показанных Алексией. – Все при нем, верно?

– Это была любовь с первого взгляда? – хихикнул управляющий Стивен.

По контрасту с Франческо Эдвард де Вир, Тедди, выглядел неуклюжим школьником. Краснощекий, неловкий и болезненно застенчивый с женщинами, Тедди был живым воплощением британского аристократизма, причем не слишком привлекательным. И все же он набрался храбрости пригласить Алексию. И он был смешным. И членом «Карлтон-клаб». Но, что важнее всего, знал, почему Алексия занесена в черный список вестминстерских ЧП, и не хотел ничего объяснять, пока она не согласится с ним поужинать.

– Хорошо, я поужинаю с вами.

– В пятницу.

– В пятницу. А теперь, ради всего святого, что вы слышали?

Тедди набрал в грудь воздуха.

– Клайв Лейнстер рассказал всей палате общин, что спал с вами и вы наградили его мандавошками.

– Я… он… – задохнулась Алексия. – Блин! Как он посмел! Лживый маленький…

– Заеду за вами в семь, – просиял Тедди. – Поедем в «Руле».

Алексия впервые была в таком ресторане, хотя с самого переезда в Лондон иногда бывала в модных заведениях, где подавали шампанское и устриц и где претенциозные метрдотели командовали богатыми клиентами, отказывая им в лучших столиках. Но «Руле» был рестораном другого класса. Да, дорогим. Но она словно оказалась на ленче в школьном пансионе: бифштекс, запеченный в тесте, вареный пудинг с изюмом, рагу из зайца, пирог с мясом и почками. Средний возраст официантов примерно восемьдесят лет, и одеты они так, словно сошли со страниц романов Диккенса, – в длинных черных передниках и жестких крахмальных сорочках. Все в этом заведении – разваренные овощи, запах пчелиного воска от натертых деревянных полов и «зайчики», испускаемые хрустальными бокалами, – было таким же аристократически-английским, как Букингемский дворец.

Едва войдя в ресторан, Алексия сделала два вывода. Первый: ей здесь не место. Второй: зато Тедди де Вир здесь как дома.

– Все еще сердитесь из-за вшей? – спросил Тедди, и Алексия немедленно пожалела, что он не понизил голос по крайней мере на октаву.

– Нет, не сержусь, – прошептала она. – Я в бешенстве. Все знают, что женщины могут существовать в палате общин только в роли секретарей. Я прекрасно подготовлена, но благодаря этой твари не имею ни единого шанса. Ах, если бы хоть кто-то мог наградить Клайва Лейнстера мандавошками! Словно они уже не ползают по нему, омерзительному извращенцу!

Тедди усмехнулся:

– Знаете, у вас прекрасный запас слов, Алексия. Вам бы следовало быть политиком.

Алексия ткнула вилкой в неаппетитный йоркширский пудинг.

– Когда-нибудь.

– Почему не сегодня? Место от округа Бетнал-Грин так и молит его занять.

– Молит? – рассмеялась Алексия. – Только не меня.

– Все может быть, – серьезно ответил Тедди. – Я попросил кое-кого в клубе прозондировать почву. Тори ищут немного иного кандидата на это место: «Кого-то помоложе, посовременнее», – как сказал Тристан.

– Тристан? То есть Тристан Ченнинг?

Тедди кивнул:

– Мы были вместе в Итоне.

«Еще бы ты там не был»!

Тристан Ченнинг управлял центральным офисом консерваторов и в партии считался вторым после Бога.

– Быть молодой и современной – это одно. Но неужели вы считаете, что женщина моего происхождения имеет возможность получить это место?

– Почему нет? – пожал плечами Тристан. – Есть только один способ это выяснить, не так ли? Забудьте всю эту чушь насчет карьеры секретаря и бросьте в шляпу жребий со своим именем. Попытка не пытка.

Трудно поверить, что этот разговор происходил более тридцати лет назад. И вот теперь она министр внутренних дел.

«Я всегда была честолюбива. Но именно Тедди меня подталкивал. Давал уверенность и открывал все двери».

– Министр внутренних дел! Приехал комиссар Грант.

Голос постоянного личного секретаря Алексии, сэра Эдварда Мэннинга, вернул ее к действительности. Как всегда в безупречном костюме-тройке, с прилизанными волосами, слабо пахнувший тем же афтершейвом «Флорис», которым всегда пользовался Тедди…

– Давно пора, черт бы все это побрал. Вам известно, что в четыре пятнадцать назначена встреча с российским послом?

– Знаю, министр. Это не займет слишком много времени.

Пара влиятельных российских олигархов, основавшихся в Лондоне, на стену лезли от новых правил, предложенных Алексией парламенту, предназначенных закрыть лазейки в налоговом законодательстве для супербогачей и воспрепятствовать отмыванию российских денег в Сити. В результате посол потребовал встречи, и сэр Эдвард ее назначил. Русские олигархи не те люди, которых палата общин хотела бы видеть своими врагами. Комиссару Гранту придется быть как можно более кратким.

– Прошу прощения, министр внутренних дел. Сегодня утром нам пришлось срочно решать ситуацию в Бернли. Вероятно, ячейка исламских террористов.

Комиссар Грант, немолодой, грузный и крайне непривлекательный мужчина с бледным одутловатым лицом, маленькими свиными глазками и тонкими губами, которые он нервно облизывал, выглядел по сравнению с Эдвардом Мэннингом ужасно неряшливым в мятом костюме из синтетики и дешевом галстуке из «Тай Рэк», усеянном кофейными пятнами.

Алексию его вид не утешил.

«Надеюсь, его разум не так беспорядочен, как вкус в одежде».

– Я чего-то не знаю?

– Да, мадам. Угроза была нейтрализована, но вашему офису был дан короткий брифинг.

– Я подумал, что мы все обсудим после этой встречи, – вкрадчиво заметил сэр Мэннинг.

– Полагаю, угроза террористического акта важнее нескольких психов, угрожающих мне по телефону и пытающихся пролезть в мой дом.

– Как я уже сказал, угроза неактивна. Но ваша безопасность жизненно важна. Позвольте…

Не дожидаясь согласия, комиссар Грант вынул из портфеля ноутбук и плюхнул его на стол Алексии. Отодвинул в сторону груду документов и открыл презентацию с помощью программы «PowerPoint».

– В качестве заместителя министра тюрем вы получили в прошлом году больше угроз, чем любой член партии тори.

Напористое начало.

«Он не боится меня. Это хорошо», – подумала Алексия.

– Я расстроила несколько человек.

– Больше, чем несколько. Вот список инцидентов, связанных с вашей безопасностью. Все: от маршей протеста до швыряния яиц и писем с выражением ненависти перечислено здесь в порядке серьезности угроз. Моя работа – отличить подлинную опасность от…

– Общего моря враждебности? – улыбнулась Алексия.

Комиссар улыбнулся в ответ:

– Я намеревался сказать «от обычных неприятностей».

– Верно. Чем могу помочь?

– Если я верно понял сэра Эдварда, со дня вашего нового назначения произошли три неприятных инцидента. Появился человек, пытавшийся пробраться в вашу загородную резиденцию. Отравили собаку вашего мужа. И был зафиксирован звонок с угрозами в ваш лондонский дом.

– Совершенно верно. Думаете, все они связаны?

– Нет.

Алексия вскинула брови. Такого ответа она не ожидала.

– Гибель собаки по меньшей мере может иметь отношение к визиту неизвестного в Кингсмир. Но телефонный звонок мы считаем отдельным инцидентом. Вот что нам удалось пока узнать.

Комиссар кликнул мышью, и изображение поменялось. Алексия увидела лицо своего ровесника с редеющими светлыми волосами, поразительными лазурно-синими глазами и мягким, смущенным выражением лица.

– Уильям Джеффри Хэмлин. Мы почти уверены, что это он приходил в Кингсмир в тот вечер.

Алексия казалась изумленной, что было вполне естественно.

– Но откуда вы это знаете?

– Наши эксперты поработали над пленками с камеры и сделали лицо более четким. Ваш привратник вспомнил, что у этого человека был американский акцент, так что мы послали фото нашим друзьям в госдепартамент и ФБР. На всякий случай. Нам повезло. Не будь у него тюремного срока, мы бы никогда его не нашли.

– За что он сидел? – оживился сэр Эдвард.

– Непредумышленное убийство. – Алексия нервно прикусила губу.

– Все не так плохо, как звучит. Утонувший ребенок в начале семидесятых. Хэмлин как раз был вожатым в лагере. Вышел в конце восьмидесятых. Никаких дальнейших нарушений, никаких преступлений. Судя по тому, что мы знаем, я был бы крайне удивлен, если бы это он отравил пса.

Алексия взглянула в добрые глаза Хэмлина и согласилась.

– Что он здесь делает? – спросил сэр Эдвард. – Я имею в виду в этой стране.

– Мы не знаем. Возможно, приехал отдохнуть. Зато мы знаем, что у него долгая история психиатрических проблем. Министр, вы знаете причину, по которой этот человек может интересоваться вами?

– Ни одной, – покачала головой Алексия.

Она смотрела в лицо на экране. Было в нем что-то такое печальное…

– И имя «Уильям Хэмлин» ничего для вас не значит?

– Простите, нет.

– Он опасен? – вмешался сэр Эдвард.

– Возможно, нет. Как я сказал, он не буйный и ни разу в жизни не совершал насилия. Но с шизофрениками никогда нельзя знать наверняка. Думаю, он все еще в стране, а если это так, мы должны его найти. Меня больше волнует телефонный звонок.

На экране снова появилось изображение: рассерженное, угрюмое лицо еще одного мужчины средних лет.

Этого человека Алексия узнала и инстинктивно сжала губы.

– Гилберт Дрейк.

– Совершенно верно.

– Кто такой Гилберт Дрейк? – встревожился Мэннинг.

– Таксист из Восточного Лондона, – пояснил Грант.

– И друг Санджая Патела, – с горечью добавила Алексия.

– Вот как!

Сэр Эдвард знал о деле Патела. Все в Британии знали о деле Патела. Именно оно, более чем другие, едва не разрушило карьеру Алексии де Вир как министра тюрем.

Чисто человеческая симпатия, которую Алексия одно время могла питать к Пателу, давно сменилась холодным гневом. Сторонники Патела были не только агрессивны и сыпали угрозами, но таблоиды, особенно «Дейли Мейл», превозносили его, как самого Ганди.

– Расскажите о Дрейке, – попросил сэр Эдвард.

– Его дважды предупреждали относительно угроз в адрес миссис де Вир, – пояснил комиссар. – Провел четыре месяца в тюрьме за незаконное ношение оружия.

– И вы считаете, что это Гилберт Дрейк звонил прошлой ночью?

– Вполне возможно.

– Но каким образом таксист из Восточного Лондона получил телефонный номер министра внутренних дел, которого нет ни в одном справочнике?

Комиссар нахмурился:

– Это больше всего нас тревожит. Мы не знаем точно, был ли это Дрейк. Правда, некоторые вещи указывают именно на него. Он и раньше вам угрожал. И тоже пользовался цитатами из Библии.

– Верно. – Алексия зябко передернула плечами.

– Мы знаем, что Дрейк стал активным членом секты возрожденных христиан. Ведет блог, посты в котором пестрят подобными выражениями. Он также непонятно зачем ездил в Оксфордшир, избирательный округ министра внутренних дел. Так что его интерес к миссис де Вир должен быть весьма живым и неподдельным.

Алексия встала и подошла к окну.

Искаженный голос в трубке напугал ее больше, чем хотелось признать. Сама мысль о том, что за всем стоит непроходимый мерзавец вроде Дрейка, оскорбляла ее гордость.

– Вряд ли это был Дрейк.

– Почему?

– Уверена, что звонок был международным или междугородним. Тот факт, что его не удалось отследить, и использование синтезированного голоса доказывают, что звонил человек с такой степенью интеллекта, которую Дрейк просто не может иметь. Он не стратег и самое большее, на что способен, – бросаться камнями.

Комиссар обдумал сказанное.

– Возможно, вы правы, министр. Надеюсь, что так. Но нам стоило бы поговорить о деле Патела.

Алексия подняла глаза к небу:

– Неужели это так необходимо? Как я устала слышать имя Санджая Патела, просто передать не могу! Все считают его святым, а не осужденным драгдилером, участвовавшим в переправке нелегальных беженцев, который был наказан по заслугам и в соответствии с британскими законами.

«Они правы в отношении мадам де Вир», – подумал Грант.

Ему она понравилась больше, чем ожидалось, и эта женщина – крепкий орешек.

– Расскажите мне о деле, мадам. С вашей точки зрения.

– Вопрос не в точке зрения, комиссар. Факты есть факты. Случившееся стало публичным достоянием.

– Прошу вас, министр внутренних дел, исполните мой маленький каприз. Тут мы с вами в одной команде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.